

Марина Хамицевич

A man with dark hair and a light beard is seated in a dark leather armchair. He is wearing a dark blue blazer over a dark t-shirt and dark jeans. He holds a lit cigarette in his right hand, and wisps of smoke rise from it and drift through the air around him. The background is dark and moody.

ДЫМ

18+

Зависимые

Марина Хамицевич

ДЫМ

«Автор»

2026

Хамицевич М.

Дым / М. Хамицевич — «Автор», 2026 — (Зависимые)

ВНИМАНИЕ: книга содержит сцены употребления алкоголя, курения, упоминания зависимости, лечения и срывов. Автор не пропагандирует алкоголь, табак и наркотики. Все подобные эпизоды показаны как часть художественной истории о вреде зависимости и её последствиях. 18+У
Михаила было всё, о чём мечтают другие: деньги, внешность, популярность, друзья, внимание девушек и блестящее будущее. Со стороны - идеальная жизнь. Но за этой картинкой скрывалось то, чего никто не видел: вечная борьба за право быть собой, холодный контроль матери, чужие решения и медленное падение, начавшееся с одной сигареты и одного неверного выбора. Теперь, когда прошлое снова оживает в памяти, Михаилу придётся увидеть всю правду о себе, семье и той жизни, которую он когда-то считал свободой. Это история о взрослении, боли, зависимости, семье и цене попытки вырваться из чужих ожиданий.

© Хамицевич М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Меня здесь нет	5
Глава 1. В пустой комнате	6
Глава 2. За углом	13
Глава 3. Дом под протокол	19
Глава 4. То, что осталось без слов	28
Глава 5. Лёгкая привычка	32
Глава 6. Запах	38
Часть II. Падение Глава 7. Красный диплом, серая жизнь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Хамицевич

Дым

Часть I. Меня здесь нет

Дисклеймер

Данная книга содержит сцены употребления алкоголя, курения, упоминания зависимости, тяжёлых последствий для здоровья, лечения, срывов и эмоционально напряжённых ситуаций.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических и иных психоактивных веществ. Все подобные эпизоды показаны исключительно в художественных целях – как часть истории о разрушительном влиянии зависимости на человека, отношения, семью, здоровье и жизнь.

Курение, алкоголь и наркотики наносят серьёзный вред организму, могут вызывать зависимость, ухудшение физического и психического состояния, разрушать социальные связи и приводить к опасным последствиям. Если вы или ваши близкие столкнулись с зависимостью, не оставайтесь с этим в одиночку. Обратитесь за помощью к врачу, психотерапевту, наркологу или в специализированный центр поддержки. Книга предназначена для взрослой аудитории.

Рекомендуемый возраст: 18+.

Глава 1. В пустой комнате

Комната была набита дымом так плотно, будто его сюда не пускали, а он всё равно пролез, окутал мебель, занял углы, устроился в складках штор и теперь смотрел на Михаила изнутри, как хозяин, давно выживший прежних жильцов. Окно было закрыто. За стеклом серый день – не утро и не вечер, та вязкая, бесцветная часть времени, в которой часы идут, но ничего не меняется. На подоконнике стояла кружка с подсохшим чайным ободком, рядом – пепельница, даже три, переполнены до той степени, когда окурки уже не лежат, а подпирают друг друга, как в тесном вагоне.

Михаил сидел полулёжа в большом кресле у окна, тяжело вмятый в него спиной и плечами, будто не человек выбрал мебель, а кресло однажды закрылось вокруг него и с тех пор не отпускало. Одну ногу он вытянул, другая была согнута и чуть съехала вбок. Рука с сигаретой свисала с подлокотника так расслабленно, что со стороны можно было бы принять это за покой, если бы не пепел, слишком длинный, не опавший, и не пальцы – сухие, нервные, с желтоватым налётом у ногтей, которые время от времени всё-таки сжимались, словно проверяя, на месте ли еще эта маленькая тёплая палочка, без которой почему-то делалось совсем пусто. Он смотрел в окно, но не на что-то конкретное. В стекле отражался он сам – смазанный, сероватый, будто уже немного стертый. Лицо у него было из тех, которые не сразу запоминаются по частям, а сначала складываются в общее впечатление: собранный, спокойный, возможно, даже надменный. Но сейчас ничего собранного в нём не было. Щеки осунулись, под глазами легли тени цвета недосыпа и старой злости, губы обветрились. Несколько дней щетины темнели на щеках неровно, будто росли неохотно. Он давно не стригся, и густые чёрные волосы, которые обычно укладываются сами собой, теперь отяжелели, примялись у висков и на затылке, стали чуть жестче, как бывает, когда слишком долго живешь на крепком чае, недосыпе и водопроводной воде. Иногда он запускал в них руку, медленно, почти лениво, и пальцы вязли там, как в чём-то чужом.

У него было хорошее лицо для чужого доверия и плохое – для собственного спасения.

Сигарета догорела почти до фильтра. Михаил поднес её к губам, затянулся слишком глубоко и сразу закашлялся – сначала сухо, коротко, потом с той тягучей, рвущей глубиной, от которой в груди начинает не болеть даже, а как будто лопаться по шву что-то старое, давно перетянутое. Он согнулся совсем немного, только плечи подались вперёд, но и этого хватило, чтобы перед глазами двоилось.

– Да что ж ты, – хрипло сказал он в комнатный смог.

Голос прозвучал так, будто им давно не пользовались.

Кашель отпустил не сразу. Михаил откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. На языке стояла горечь – не табачная даже, а какая-то общая, слежавшаяся. В комнате пахло пеплом, кислой тканью, вчерашним воздухом и ещё чем-то больничным, хотя в больнице он не был давно. Или недавно. Он не хотел проверять, как именно устроилось время. Если дать ему имя, оно начнёт требовать действий.

Телефон завибрировал где-то в комнате – не настойчиво, а почти вежливо, как человек, который и сам понимает, что ему тут не рады. Михаил не шевельнулся. Через несколько секунд вибрация стихла. Потом началась снова.

Кому надо, тот перестанет, подумал он.

Почти сразу следом подумал:

Нет. Кому надо, тот не перестанет.

И всё равно не сдвинулся.

За окном во двор въехала машина, остановилась, поморгала фарами, словно подмигнула кому-то на прощание. Из окна на третьем этаже было видно внутренний двор и лавку, которая

находилась в двух подъездах от его дома. На лавке сидели две женщины в пуховиках – одна широкая в плечах, с короткими крашеными волосами цвета мокрого ореха, вторая тонкая, с лицом, которое даже издали казалось недовольным своей собственной жизнью. Отсюда он их не видел так ясно, но эти две дамы пенсионного возраста всегда там сидели и каждый раз приходя с работы он слышал, как две дамочки перебивают кости всему дому. Они разговаривали с тем особым напряжением тел, когда слова произносятся обычные, а смысл идёт боком, острыми краями. Сейчас Михаил смотрел на них с тем тупым вниманием, с каким смотрят на аквариум: движение есть, смысла нет, но всё-таки живое.

Телефон умолк.

Тишина не наступила – просто стало слышно холодильник, дальний гул улицы и собственное дыхание. Оно шло тяжело, будто проходило через мокрую ткань.

Надо бы открыть окно.

Мысль появилась и осталась стоять где-то рядом, не приближаясь. Открыть окно значило встать. Встать значило почувствовать тело целиком. Тело сейчас было не союзником, а помещением, в котором его заперли. Грудь тянуло. Шея затекла. Во рту пересохло. Под лопаткой ныло от неудобной позы, но менять её не хотелось, потому что на любую перемену требовалось слишком много согласия с жизнью.

На журнальном столике лежала раскрытая пачка. Еще три сигареты. За ней – зажигалка с облезлой синей краской. Подарок Стаса. Чуть дальше – книга, в которую он не заглядывал уже недели две, но зачем-то держал рядом, как свидетельство того, что человек, читавший её, ещё существует.

Михаил вытянул руку, нащупал пачку вслепую, вытащил новую сигарету и, уже поднеся её к губам, вдруг усмехнулся. Получилось криво.

Ну да. Конечно. Отличный план. Закашляться до крови и продолжать. Маркетинговая стратегия года.

Он щелкнул зажигалкой. Огонёк дрогнул, отражаясь в стекле. На секунду его лицо в окне стало резче – высокий лоб, темные глаза, сейчас тусклые от усталости, нос с едва заметной горбинкой, которая появлялась в профиль и делала выражение жёстче, чем оно было на самом деле. Когда-то женщины говорили, что у него красивый взгляд, внимательный. Сейчас взгляд был не внимательный, а просто уставший.

Михаил затаился осторожнее.

Первое облегчение всегда длилось несколько секунд. Не удовольствие даже – пауза между двумя неприятными состояниями. Сигарета не делала лучше. Она просто на мгновение отменяла ухудшение. Каждый раз одно и то же, и каждый раз тело соглашалось на этот дешёвый договор так покорно, что становилось стыдно.

“Ты не живёшь. Ты просто медленно себя добиваешь”.

Фраза всплыла сама собой, чужим голосом. Женским. Не крик, не истерика – наоборот, очень тихо было сказано, от этого и запомнилось. Он поморщился.

Не сейчас.

Но память не спрашивала. Она вообще в последнее время вела себя как человек без такта: приходила когда хотела, открывала ящики, включала свет.

Ты просто медленно себя добиваешь...

А что, быстро лучше?

Быстро у нас кто-нибудь умеет?

Отец вот быстро исчез. Очень эффектно.

Михаил прикрыл глаза и сразу увидел не лицо даже – спину. Мужская фигура у двери. Тёмное пальто, слишком свободное в плечах. Чемодан или сумка, уже неважно. Это воспоминание всегда приходило не целиком, а кусками, как оторванная плёнка: дверной проём, холодный свет лестницы, материна рука на косяке, такая белая, что казалась нарисованной мелом,

и собственное детское ощущение, что сейчас должно произойти что-то объяснимое, но никто объяснять не будет.

Он открыл глаза.

Во дворе кто-то засмеялся. Смех был молодой, звонкий и почему-то очень неуместный в этом сером дне. Михаил повернул голову чуть-чуть – ровно настолько, чтобы увидеть у подъезда девушку в длинном бежевом пальто. Она говорила по телефону, придерживая плечом сумку, и нервно заправила за ухо светлую прядь. Жест был быстрый, раздраженный, красивый в своей небрежности. Он заметил это автоматически, профессиональной, почти мужской ещё не умершей частью себя, и тут же почувствовал не интерес, а усталость.

“Раньше ты бы уже придумал, как она пахнет”.

Мысль была чужой и неприятной. Он снова затаился, но дыма почти не почувствовал.

В дверь постучали.

Не звонок – именно стук. Короткий, уверенный. Потом ещё раз, чуть сильнее.

Михаил замер, хотя и без того почти не двигался. Стук в дверях всегда делал с пространством что-то странное: квартира сразу переставала быть убежищем и становилась местом осады. Он уставился на темный прямоугольник прихожей, видный из комнаты. Никого там не было, конечно. Только полумрак, кроссовки у стены, брошенная куртка и полоска света снизу от лестничной клетки.

Не открою.

Мысль появилась моментально, как рефлекс. Даже с лёгким раздражением, будто от него опять чего-то хотят, а у него закончились те невидимые бумажки, которыми расплачиваются за участие в чужой жизни.

Стук повторился.

– Миш! – донеслось приглушенное через дверь. – Я знаю, что ты дома.

Он узнал голос не сразу, а по интонации: не просьба, не нежность – деловая, собранная злость. Виктория.

Только тебя не хватало.

Он запрокинул голову и посмотрел в потолок. Белый, когда-то белый, а теперь сероватый, с тонкой трещиной у люстры, похожей на маршрут, по которому давно уже никто не ходит. Сестра никогда не стучала просто так. Если пришла сама, значит, звонила, не дозвонилась, придумала худшее и теперь приехала проверять, жив ли он или просто снова “выключил телефон как подросток”.

Снова постучали.

И на этот раз в дверь, а не в его совесть.

– Михаил.

Полное имя. Плохо.

Он медленно повернул голову к журнальному столику, где, под кучей каких-то чеков и пустой пачкой, действительно лежал телефон. Экран светился пропущенными вызовами. Пять от Виктории. Два неизвестных. Один от Кирилла. Сообщение тоже было, но отсюда не прочесть.

Ответить было проще, чем встать и открывать. Но даже для того, чтобы дотянуться, надо было наклониться.

Пусть уходит.

Но Виктория не уходила. Он слышал, как она переступила на площадке, потом, видимо, прислонилась к двери. Представил её ясно, как будто видел: светлое пальто, собранные в низкий хвост волосы, несколько темных прядей выбились у висков и лезут в лицо, а она, раздражаясь, заправляет их за уши тем движением, которое у них с матерью одинаковое, только у матери оно было как приказ, а у Вики – как попытка не сорваться.

Она была старше всего на три года, но иногда смотрела на него так, будто между ними лежало не время, а должность.

– Если ты через минуту не откроешь, я вызову участкового, – сказала она достаточно громко, чтобы это уже можно было считать поражением.

Михаил хмыкнул. В груди хрипело.

– Театрально, – пробормотал он.

Собственный голос чуть-чуть вернул его в реальность. Он посмотрел на сигарету. Пепел снова вытянулся в длинную серую иглу. Страхнуть бы. Но он не стряхивал. В нём вообще в последнее время всё доходило до края и только потом рушилось.

– Миш!

Он всё-таки наклонился за телефоном. Это оказалось труднее, чем должно было быть: в пояснице потянуло, в груди неприятно сжалось. На секунду закружилась голова. Он выругался вполголоса, схватил телефон и, не глядя на экран, нажал вызов.

За дверью почти сразу стало тихо. Потом в трубке шелкнуло.

– Ну? – сказала Виктория.

У неё был голос человека, который уже успел испугаться, разозлиться и снова взять себя в руки.

– Я жив, – ответил Михаил.

– Сомнительно.

– С тобой всегда приятно общаться.

– Открой дверь.

Он откинулся обратно в кресло и посмотрел в окно. Девушки в бежевом пальто уже не было. Две сплетницы на лавке тоже куда-то делись. Во дворе стало пусто, и от этого все вдруг показалось еще более унылым.

– Не хочу, – сказал он.

Повисла пауза. В трубке было слышно ее дыхание, чуть учащённое, как после быстрого подъема по лестнице. Третий этаж. Когда-то он взлетал на него через две ступеньки. Теперь даже мысль об этом вызывала усталое отвращение.

– Ты пил? – спросила Виктория.

– Он даже усмехнулся. Улыбка вышла сухой.

– Нет. Тебя разочаровал?

– Меня бы устроило, если бы ты не вёл себя как человек, который решил сдохнуть назло всем.

Он закрыл глаза.

Вот.

Этого он и не хотел.

Не жалости. Не нравоучений. Даже не помощи.

Называния вещей.

– Вика, отстань, – сказал он тише.

– Не отстану.

Конечно.

Ты же хорошая дочь. Хорошая сестра. Хороший человек вообще. Кто-то же в семье должен быть сделан правильно.

Ему стало противно от собственной мысли. Не потому, что она была ложной, а потому, что звучала как дешёвое внутреннее брюзжание человека, который давно никому ничего не может противопоставить, кроме усталого яда.

Он посмотрел на руку с сигаретой. Между пальцами она сидела слишком привычно, как будто родилась там. Это всегда поражало: насколько быстро можно вырастить в себе лишнее. Сделать чужой предмет продолжением жеста, нервов, паузы, целой личности.

– Я позже позвоню, – сказал он.

– Сейчас открой.

– Нет.

За дверью что-то коротко звякнуло. Он не сразу понял, что это ключи.

Михаил выпрямился в кресле чуть резче, чем следовало, и сразу пожалел: в груди кольнуло, горло сжалось, кашель подступил мгновенно и зло. Он согнулся, зажимая рот кулаком, и услышал в трубке:

– Миша?

Ключ в замке повернулся.

Конечно. У неё же есть.

Дурацкая, почти детская обида поднялась в нем раньше разумной мысли. Его квартира, его дверь, его тишина – и всё это опять сейчас откроют без спроса, потому что “так надо”, потому что он не справляется сам, потому что из него снова сделали проблему, которую кто-то обязан решать.

Он хотел встать. Правда хотел. Хотя бы для того, чтобы дойти до прихожей раньше неё, взять ситуацию в руки, выглядеть человеком, а не тем, кем он сейчас был: измятым, прокуренным телом в кресле. Но кашель все еще не отпускал. Мир слегка поплыл. Он только сильнее вжался лопатками в спинку и зажмурился.

Щелкнул замок.

Дверь открылась.

В квартиру сразу ворвался звук лестничной клетки – сырой подъездный воздух, далекий хлопок чужой двери, чьи-то шаги. Всё это показалось слишком громким.

– Что за? – сказала Виктория уже из прихожей. Не театрально, не громко. Просто как человек, увидевший то, что боялся увидеть.

Он открыл глаза.

Она стояла в проеме комнаты, высокая, прямая, в светлом пальто, неуместно аккуратном на фоне этого дыма. Волосы, темно-русые, гладкие, были собраны в низкий хвост, но несколько прядей всё-таки выбились и легли вдоль щёк. У неё было лицо, в котором от матери было достаточно, чтобы это сразу считывалось: линия скул, плотно сжатые губы, привычка держать подбородок ровно. Но там, где у матери всё это превращалось в приговор, у Виктории оставалось человеческим. Усталые глаза, тёплые даже сейчас. И злость – живая, не ледяная.

Она окинула взглядом комнату, столик, пепельницы, окно, потом его самого. Задержалась на сигарете в его пальцах.

Михаил вдруг увидел себя её глазами: длинный, сутуло сложенный в кресле мужчина тридцати пяти лет, в серой футболке, мятой так, будто её сушили прямо на теле, с осевшим лицом, черными неухоженными волосами, прилипшими у виска, и взглядом человека, которого изнутри давно перестали регулярно проветривать.

Надо что-то сказать, подумал он.

Что-нибудь умное. Едкое. Лёгкое. Как обычно. Но ничего не придумалось.

– Привет.

– Ты издеваешься? – выдохнула она и поставила пакет на стол с таким стуком, что в кружке дрогнул чай. – Ты вообще понимаешь, что я с ума схожу уже который день? Ты почему трубку не берёшь? Почему не отвечаешь? Одно сообщение. Одно чёртово слово. "Жив". Всё. Это так трудно?

– Я жив.

– Не смей, – отрезала она, и в глазах у неё блеснула злость. – Не смей сейчас прятаться за свои шуточки.

– Что с тобой происходит? – спросила она уже тише, но голос всё равно дрожал. – Только честно.

Он усмехнулся безрадостно.

– Если честно, я сам не до конца понял.

Виктория подошла к окну и, не спрашивая, взялась за ручку.

– Не надо, – хрипло сказал он.

Она обернулась.

– Что?

– Не открывай.

На секунду в ее лице мелькнуло что-то почти беспомощное. Потом исчезло.

– Да здесь дышать нечем!

Он хотел ответить:

Мне нормально. А кто у нас вообще умеет дышать? Душить разве что.

Но вместо этого только откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза, потому что сил на сарказм тоже, кажется, не осталось.

– На улице полно свежего воздуха, но ты почему-то здесь.

– Ты же не был таким раньше? – вполголоса пробормотала Вика, вдыхая холодный воздух.

Михаил в ответ смог лишь горько улыбнуться опустив голову, а после в глазах потемнело.

Глава 2. За углом

Память вернулась не сразу. Сначала – не картинкой даже, а ощущением тела, которое еще не успели испортить. Лёгкие, которые не протестуют на вдохе. Ноги, живые от бега. Кожа, пахнущая холодом, мылом и подростковым потом, а не дымом и застоявшейся комнатой. Потом уже проступил свет – резкий, школьный, с белёсым блеском зимнего утра на окнах и гулом коридоров, где всегда кто-то бежал, спорил, смеялся, жил слишком быстро, чтобы задумываться о конце.

Тогда Михаил был из тех парней, на которых невольно оборачиваются даже те, кто потом будет уверять, что вообще-то не в их вкусе. Не потому, что он старался понравиться. Как раз наоборот. В нём было то редкое подростковое качество, которое невозможно подделать – легкость, будто собственная кожа не жмёт, голос не ломается от неуверенности, движения не требуют репетиции. Высокий, длинноногий, быстрый. Он ходил по школьным коридорам чуть пружиня, будто в теле всё время оставался запас движения, словно он только что сбежал с тренировки и ещё не успел остыть. Тёмные волосы тогда были короче, гуще, упрямо ложились вперед на лоб, и он то и дело смахивал их резким движением головы, небрежным ровно настолько, чтобы девчонки на последних партах замечали это даже во время контрольных.

У него было лицо не красивого мальчика, а уже почти взрослого парня, который до своей настоящей привлекательности ещё не дорос, но опасно близок. Прямой нос, темные глаза, внимательные и насмешливые одновременно, рот, который почти всегда был готов к улыбке – не широкой, не дурашливой, а быстрой, как удар спички. Он умел смотреть так, что человеку напротив на секунду казалось: сейчас скажут что-то важное, только для него. А потом говорил какую-нибудь колкость так точно, что смеялся весь класс, включая учителя, если тот был не совсем деревянный.

– Миш, а ты когда вообще готовишься? – шёпотом спросила у него на алгебре Кира, наклоняясь через проход и болтая в пальцах ручку с пушистым розовым хвостом. – Ты или врешь всем, или спишь с учебником.

– С учебником скучно, – не поднимая глаз от тетради, ответил он. – Он молчит и листает себя сам.

Кира прыснула так громко, что математичка поверх очков глянула на них с привычным скорбным недоверием.

– Михаил, вы опять?

– Я всё ещё здесь, Мария Сергеевна, – с самым невинным видом ответил он.

– Это, к сожалению, заметно.

Класс захихикал, а Михаил только развёл руками, будто и сам не в восторге от собственной неустрашимости.

Он учился легко. Не идеально-гладко, не тем безупречным способом, который вызывает у одноклассников злость и желание подловить на слабом месте. Наоборот, в его пятерках не было ничего назидательного. Он мог сдать литературу, не раскрыв конспект, вытащить историю на одной памяти и умении красиво связать факты, решить задачу быстрее отличницы с первой парты и при этом после уроков первым утащить всех во двор, на стадион, в кафе за углом, на набережную, куда угодно, лишь бы не домой.

С ним было весело. Не шумно – это умели многие. Весело именно по-настоящему, когда рядом человек умеет держать воздух вокруг себя не натужным, а живым. Он шутил быстро, не злобно, умел подхватывать чужую подачу, не обижался на ответные выпады, и компания вокруг него собиралась сама собой, без усилия. Девушки это чувствовали раньше других.

– Ты сегодня идешь на репетицию? – спросила его однажды Лера из параллели, поймав в раздевалке. Она стояла, одной рукой удерживая на плече рюкзак, другой поправляя темный,

блестящий хвост, туго стянутый резинкой. У неё были длинные серьги с тонкими кольцами, которые дёргались каждый раз, когда она говорила, и взгляд человека, привыкшего, что ему редко отказывают.

– Смотри что ты называешь репетицией, – ответил Михаил, закидывая спортивную форму в сумку.

– Ну, школьный концерт. Ты же обещал помочь со сценарием.

– А, это. Тогда иду. Я думал, ты про драму в личной жизни.

– На драму тебя пока не звали.

– Пока? Это уже приглашение или только прогрев аудитории?

Она усмехнулась и толкнула его локтем.

– Ты невозможный.

– Это клевета. Я просто экономя людям серость.

И она, конечно, улыбнулась. Они почти все улыбались.

У Михаила была та редкая школьная популярность, которая не строится на грубости или желании доминировать. Его не боялись – к нему тянулись. Он играл в футбол во дворе, ездил на соревнования по бегу, мог спокойно поддержать разговор и с отличниками, и с дворовыми ребятами, и с девочками, которые уже красились как взрослые, и с теми, кто еще прятал в пенале наклейки. Его уважали учителя, потому что он не был тупым хамом. Его любили одноклассники, потому что он не был заносчивым отличником. И отдельно существовал тот немаловажный школьный факт, что Миша был "из хорошей семьи".

Об этом никто не говорил прямо, но все знали. Хорошая квартира. Мать на дорогой машине. Куртки не с рынка. Телефон лучше, чем у многих. Деньги на поездки, секции, нормальные кроссовки, новые учебники, частные врачи, если надо. В школьной экосистеме это читалось мгновенно, как порода у собаки или марка часов у взрослого.

Со стороны у него была жизнь, которую удобно ненавидеть и хочется получить себе.

Только самого Михаила эта картинка не грела.

Потому что внутри неё всё время было одно и то же голодное место, которое не заполняли ни пятерки, ни девочки, ни победы на соревнованиях. Ему нужно было не восхищение чужих. Ему нужно было, чтобы мать посмотрела на него так, будто видит не проект, не вложение, не задачу на улучшение, а человека.

Это желание он сам себе почти никогда не формулировал. В старших классах уже стыдно было думать такими словами. Но оно жило в нем как заноза под кожей. Он приходил домой с очередной хорошей новостью и заранее напрягался, как перед ударом: что сейчас окажется недостаточным, не тем, не туда, не так.

– Пятёрка за лабораторную? Молодец. А русский?

– Первое место? Неплохо. А кто был в жюри?

– Тренер хвалил? Это его работа – хвалить.

Мать не была истеричной. Хуже. Она была точной. У неё слова ложились ровно, без крика, и потому ранили глубже. Высокая, всегда собранная, с лицом, где усталость никогда не отменяла контролирующей ясности, она двигалась по дому так, будто каждую секунду знала, где что должно лежать, кто кем должен стать и почему на полпути останавливаться нельзя. У неё были красивые руки – суховатые, с тонкими пальцами и аккуратными ногтями без лишнего блеска. Даже когда она поправляла скатерть или снимала крышку с кастрюли, в этом читался характер, при котором людям проще подчиниться, чем объяснять, что они вообще-то хотели по-другому.

Мама любила Михаила. Он это знал. Просто любовь у неё была похожа на солдатскую выправку.

В старших классах он уже курил пару раз. Не всерьёз. Так, за компанию. За школой, на спор, на смех, на "ну давай, что ты". Первый раз его тогда чуть не вывернуло, второй показался

глупостью, третий – вполне терпимым. Но он мог отказаться. И отказывался не раз. Не было в этом интереса.

Компания, в которой это происходило, была той самой, к которой младшие липнут взглядом, а старшие признают без лишних слов. Игорь – высокий, широкоплечий, с ленивой походкой человека, который в любой драке заранее уверен в собственном лице. Он стригся коротко, но на макушке всегда оставлял чуть больше длины, и волосы, светло-русые, жёсткие, торчали как им вздумается. Рома был ниже, быстрый, подвижный, с улыбкой, которая появлялась раньше мысли. У него были тонкие, почти красивые черты лица, от которых его постоянные шутки и мат звучали ещё смешнее. Дэн – самый молчаливый из них, тёмный, шурящийся, с тяжёлым взглядом и вечной черной курткой, в которой он выглядел так, будто уже пару раз видел жизнь без грима. И Паша – самый младший по характеру, хотя ровесник, тот тип парней, которые смеются громче всех, когда не до конца поняли шутку, и всегда готовы поддержать любую глупость, если рядом есть более уверенный лидер.

С ними Михаилу было легко. По-мужски легко, без выяснений, без постоянного самоконтроля, который включался дома. Они звали его "профессором", но без злобы. Скорее с уважением к тому, что он может одновременно всех смешить, тащить учебу и не выглядеть при этом человеком, который после школы бежит домой обниматься с тетрадками.

– Проф, – сказал как-то Игорь, хлопнув его по плечу у крыльца, – ты на биологии как вообще не ржёшь, когда она про размножение начинает?

– Я взрослый человек, – ответил Михаил.

– Ты? – Рома заржал. – Ты вчера с физры мячом в окно зарядил.

– Это была демонстрация силы.

– Это была демонстрация отсутствия мозга, – лениво заметил Дэн.

– Зато весело, – сказал Паша и тут же засмеялся сам себе.

И с ними он тоже смеялся. Тогда смеяться было не трудно. Тогда всё ещё было цветным.

Даже школа в те годы казалась местом почти уютным. Синий линолеум в коридорах, вечно влажная тряпка у входа зимой, столовая выпечка, запах мела, дешёвых духов, мокрых курток и металла от батарей. После уроков – двор, ослепительный снег или, наоборот, апрельская грязь, в которой ботинки тонули до щиколотки. Голоса, футбол, перепалки, музыка из чьего-то телефона. Молодость была не событием, а температурой воздуха.

И всё-таки трещина уже шла.

Он заметил это не в какой-то большой сцене. Не в ссоре. Не в скандале. Наоборот – в одном почти бытовом эпизоде, который потом прилип к памяти намертво именно своей обыденностью.

В тот вечер к матери пришли две подруги. Обе из тех женщин, которые умеют выглядеть дорого не яркостью, а качеством ткани, сумки, стрижки и уверенности, что в этой комнате они занимают правильное место. На столе был фарфор, сыр, виноград, что-то в тонких бокалах. Михаил вышел из комнаты взять воду и уже собирался пройти мимо гостиной, когда услышал своё имя.

Он не остановился резко. Просто замедлился. Потом и вовсе встал в полутени коридора, за стеной, где из гостиной был виден только угол серванта и полоса ковра.

– А Миша у тебя всё бегают? – спросила одна из женщин, та, у которой голос был тягучий, как мед, если бы мёд умел сплетничать. – Недавно от сына слышала, занял первое место на областных соревнованиях.

– Бегают, – вздохнула мать. И усмехнулась той самой короткой усмешкой, от которой дома обычно никому не становилось легче. – Мягкотелый. Бег в жизни мало чем поможет, зато убежит, если что.

Подруги хмыкнули.

– Я его записала на борьбу, а то в детстве таким мямлей был. Теперь хоть на человека похож.

Они засмеялись не зло. Даже по-доброму, как смеются люди за столом, обсуждая детей, мужей, диеты и ремонт. Обычная взрослая беседа. Ничего катастрофического.

Но Михаил стоял в коридоре, держа пустой стакан так крепко, что стекло впилось в ладонь, и чувствовал, как в нём что-то тихо, без звука меняет цвет.

Мягкотелый.

Слово было липкое, унижительное, детское. От него хотелось немедленно отмыться.

“Зато убежит, если что”.

Даже сильные стороны она подала так, будто это не достоинство, а ловкость слабого.

“Теперь хоть на человека похож”.

Вот это ударило сильнее всего. Не "стал лучше". Не "повзрослел". Не "перестал бояться". На человека похож. Будто до этого был чем-то недоделанным, не до конца достойным правильного вида.

Он так и не вошёл на кухню за водой. Развернулся и ушёл обратно в комнату. Там сел на край кровати, потом лег, закинув руки за голову, и долго смотрел в потолок. Из гостиной доносился звон бокалов, смех, мамин голос – ровный, уверенный, красивый, как дорогая ручка, которой удобно подписывать чужие приговоры.

Мягкотелый.

Он тогда даже не расплакался. Слишком взрослый уже был для такого. Вместо этого в нём поселилось тяжелое, вязкое раздражение – не только на мать, а вообще на всё, что делало его удобным, хорошим, правильным. На бег. На пятёрки. На собственную способность сглаживать углы. На то, как легко он в нужный момент умеет быть приятным. Всё, что раньше казалось естественным, вдруг стало подозрительно похоже на дрессировку.

На следующий день школа была той же самой, но свет в ней как будто чуть померк. Коридоры всё ещё шумели, девчонки всё ещё смеялись, Рома всё ещё придумывал идиотские прозвища физруку, но Михаил чувствовал себя так, будто кто-то ночью вынул из него тонкий стеклянный стержень, на котором всё держалось ровно, и теперь внутри едва заметно дрожало.

– Проф, ты чего такой? – спросил Игорь на большой перемене. Они стояли за школой, у старого бетонного забора возле туалетов, где снег был серый, утоптаный, а на стене красовалась надпись, пережившая уже не один выпуск.

– Отвянь. – Михаил сунул руки в карманы куртки.

– Как будто тебя дома женили без согласия, – заржал Рома.

– Или пятёрку не поставили, – добавил Паша.

– Или наоборот, поставили две, – лениво сказал Дэн, выпуская дым через нос.

Михаил хмыкнул, но вышло без привычной искры.

Игорь достал пачку, постучал краем по ладони, вытаскивая сигарету.

– Будешь?

Обычно в такой момент Михаил отмахивался.

Да ну.

Потом.

Бегать еще, тренер всю душу выест если почует запах.

Не хочу, воняет.

Иногда брал просто поддержать, иногда смеялся над тем, как Паша делает вид, что это уже серьёзный взрослый ритуал, хотя кашляет после каждой второй затяжки. В этом был элемент игры. Проверка границ. Способ стоять рядом и не участвовать до конца.

Но сегодня он не отказался.

Вокруг было холодно, но без ветра. Сырой мартовский день, когда снег уже не зима, а грязная память о ней. От бетонной стены тянуло сыростью и мочой, над крышей школьного

туалета вился тонкий дымок, и почему-то именно это убожество места вдруг показалось честнее, чем вчерашний фарфор и мамин смех.

Игорь протянул ему сигарету.

– О, созрел, – выдал Рома, поперхнувшись только затянутым дымом.

– Не нуди, – коротко бросил Миша и взял.

Сигарета была сухая, легкая, с чуть помятым фильтром. Совсем обычная. Он повертел её в пальцах, будто рассматривая впервые. Внутри было странно тихо. Не страшно, не весело, не "ну ладно, один раз". Тихо и зло.

– Зажигалку дай, – сказал он.

Дэн молча повернул колесико, высекая искру в дешёвой зажигалке и поднес огонь. На миг синий свет вспыхнул между ними, выхватив из серости лица, пальцы, влажный воздух. Михаил наклонился. Табак загорелся с сухим потрескиванием.

Первая затяжка ударила в горло. Гадко, резко, с привычным уже ощущением горячей бумаги и какой-то химической горечи. Глаза защипало. Он мог бы закашляться, как в тот первый раз. Мог бы отмахнуться, вернуть сигарету, выругаться.

Но не стал.

Сделал вторую затяжку – медленнее, глубже.

– Ну как, профессор? – усмехнулся Игорь. Михаил выдохнул дым в сторону.

– Хуже, чем в кино. Лучше, чем дома.

Повисла короткая пауза. Рома даже не сразу заржал – сначала вскинул брови, потом уже хлопнул Пашу по спине.

– О, блин. Вот это подача. Ты в драмкружок еще не собираешься?

– Уже.

– Запишем, Лера затянула профессора в свою постановку. – сказал Дэн, и в уголке его рта мелькнула редкая, почти невидимая улыбка.

– Мы придем тебя поддержать. В конце концов кто если не ты достоин главной роли. – подколол друга Рома.

– Скорее Лере это надо чтоб на их дурацкие постановки хоть кто-то приходил. – Дэн выпустил колечко дыма.

– Будет аншлаг. Жди, что девушки будут избавляться от нижнего белья. Трусы ловить не советую. – заржал Паша.

– Не рискнут. Не с нашим директором. – осадил друга Рома.

Миша тоже усмехнулся. Автоматически. Почти по старой памяти. Но внутри ничего не посветлело. Наоборот, стало как будто плотнее. Он стоял с сигаретой в пальцах, вокруг были свои, знакомые, крутые ребята, школьный день ещё не закончился, впереди могла быть тренировка, потом вечер, сообщения, смех, жизнь. Всё внешне оставалось на месте.

Только теперь в эту картинку добавился маленький белый предмет, который неожиданно подошёл к ней слишком хорошо.

Он докурил до половины, потом до фильтра, не торопясь, внимательно, как человек, который не развлекается, а запоминает новый способ быть собой.

– Ещё? – спросил Игорь. Михаил посмотрел на пачку. Потом покачал головой.

– Достаточно.

– Смотри-ка, а я думал, ты опять соскочишь, – сказал Паша.

– Я тоже так думал, – ответил Миша.

Прозвенел звонок. Из-за угла потянулись обратно ученики – кто-то жуя булку, кто-то на ходу застегивая куртку, кто-то уже крича через весь

двор. Компания двинулась к школе. Рома что-то рассказывал, размахивая руками. Паша ржал. Игорь шёл впереди, вразвалку, засунув руки в карманы. Дэн отстал на полшага, глядя себе под ноги.

Миша шёл вместе с ними и чувствовал во рту табачную горечь. Она не исчезала. Наоборот, смешалась с привкусом чего-то ещё – обиды, наверное, или упрямства, которому наконец дали форму.

В коридоре у зеркала он мельком взглянул на своё отражение. Всё тот же. Высокий, тёмный, живой, с насмешкой в глазах и хорошей осанкой, которую ещё не успела испортить взрослая тяжесть. Со стороны – идеальная картинка. Популярный парень, умный, спортивный, обеспеченный, в центре любой компании.

И только он один знал, что сегодня в этой картинке появляется первая трещина.

Он провёл языком по зубам, поморщился от горечи и подумал неожиданно спокойно, распаковывая паку мятных жвачек:

“Ну вот. Теперь хотя бы это моё”.

Глава 3. Дом под протокол

Курение не вошло в его жизнь сразу – красиво, уверенно, как входит привычка, которой суждено остаться. Сначала оно приходило отдельными эпизодами, будто кто-то стучал в дверь и каждый раз спрашивал одно и то же: ну что, теперь пустишь? Иногда Михаил пускал, иногда нет. Ему все еще нравилось думать, что решение за ним.

После той сигареты за школой он несколько дней вообще не курил. Даже испытывал что-то вроде гордости – не потому, что было трудно удержаться, а потому, что приятно было доказать самому себе: я не из тех, кто цепляется с первого раза. Внутри у него еще жило спортивное, чистое отношение к телу. После пробежки по весеннему стадиону, когда воздух резал горло холодком, а потом становился сладким от движения, мысль о табаке казалась почти чужой. Но чужой – не значит забытой.

Она просто ждала удобных мест.

Первым таким местом стал Игорь.

Они встретились вдвоем после школы, в субботу, у торгового центра, где стеклянные двери всё время открывались и выдыхали на улицу тёплый магазинный воздух с запахом кофе, пластика и чужих духов. Игорь стоял, прислонившись плечом к перилам, как будто город принадлежал ему хотя бы на правах младшего наследника. На нем была темная куртка, расстегнутая несмотря на ветер, под ней белая футболка, слишком тонкая для апреля, но именно поэтому и правильная. Его светлые волосы, коротко остриженные по бокам и чуть длиннее сверху, топорщились на макушке так, словно даже расчёска понимала: этот человек не для послушных линий.

– Ты вовремя, – сказал он вместо приветствия.

– Это ты рано, – ответил Михаил.

– Нет. Это у тебя рожа человека, который считает чужую пунктуальность личным оскорблением.

Михаил усмехнулся. У Игоря была редкая способность говорить грубовато и не обижать, потому что в нём самом не было мелочности. Он жил простыми категориями: нравится – не нравится, хочу – не хочу, пойду – не пойду. Михаил иногда завидовал этой прямоте, хотя понимал, что такая жизнь дорого обходится тем, кто рядом.

Они взяли кофе навынос, обошли центр и устроились за зданием, где ветер был тише. Игорь закурил, не спрашивая разрешения у пространства, и только потом, выпустив дым вверх, взглянул на Михаила.

– Будешь?

Михаил пожал плечами.

– Давай.

Это "давай" далось ему легче, чем в прошлый раз. Без внутренней сцены. Без ощущения, что сейчас происходит что-то важное. Он взял сигарету, покатал её между пальцами. Бумага была сухой, чуть шершавой, фильтр упруго пружинил под ногтем. Игорь щелкнул зажигалкой. Огонь на миг подсветил нижнюю часть его лица – твёрдый подбородок, легкую неровность в линии губ, крохотный белёсый шрам у рта, который делал его улыбку чуть более опасной, чем она была на самом деле.

– Только не кашляй, как Пашка, – сказал он.

– Я слишком красив для такого унижения.

Игорь заржал.

– Вот за это бабы тебя и любят.

Михаил затаился. На этот раз табачная горечь не удивила. Она была почти знакомой. Приятной? Нет. Просто предсказуемой. Дым прошёл по горлу, царапнул, разошелся в груди

тупым теплом. Он медленно выдохнул в сторону парковки, где машины блестели после недавнего дождя.

- А тебя за что любят? – спросил он.
- Меня? За перспективу ошибки.
- Честно.
- Стараюсь.

Они говорили ещё о чём-то пустяковым – про учителей, про футбол, про девчонок, которые в их возрасте уже будто учились смотреть оценивающе, как взрослые женщины. И всё было легко. Настолько легко, что сигарета почти не запомнилась. Такие вещи и становятся потом частью жизни – не потому, что невероятные, а потому, что удобно встраиваются между делом.

С Ромой всё было иначе.

Рома не курил всерьёз – он курил театрально. Каждая сигарета в его пальцах выглядела не привычкой, а пародией на взрослость, и именно поэтому рядом с ним Михаил всегда смеялся больше. Они встретились случайно, после дополнительных занятий, когда уже смеркалось, а город был из тех весенних вечеров, где асфальт ещё хранит дневное тепло, а воздух сверху уже прохладный и пахнет сырой пылью.

Рома сидел на спинке лавки у спортплощадки, тонкий, как мальчишка, и подвижный, как пламя. У него были светло-карие глаза, очень живые, и рот, будто созданный для того, чтобы перебивать, поддевать, смеяться, свистеть вслед красивым прохожим и вовремя извиняться перед старушками. Волосы у него были русые, мягкие, вечно растрепанные, как будто он каждое утро просыпался сразу посреди разговора.

- О, профессор, – сказал он, увидев Михаила. – Иди сюда, у меня трагедия.
 - Какая по счёту?
 - Первая на этой неделе. Ленка мне сказала, что я несерьезный.
 - И в чем она не права?
 - Думает что это временно. Хотя я бы соврал, если бы начал её переубеждать.
- Михаил сел рядом, вытянул ноги.
- Смелый ход.

Рома сунул ему сигарету прямо в губы, как будто продолжая шутку.

- На, закури за мою личную жизнь.
- Ты, я смотрю, нашёл новое применение дружбе.
- А что, ты теперь интеллигентно покуливаешь и делаешь вид, что это не событие?
- А у тебя даже дым выглядит, как клоунада.

Они курили и смеялись, и в этом не было никакой трагедии. Только вечер, еще совсем юный, когда впереди кажется больше, чем позади. Михаил даже на секунду поймал себя на мысли, что, может, всё и правда не так важно. Мать, её слова, собственная злость – всё это как будто можно отложить, если рядом правильный человек и удачный темп разговора.

Но с Дэном не работало ничего из этого.

Он встретил его через пару недель, уже ближе к экзаменам, когда в школе все вдруг одновременно начали притворяться взрослыми. Дэн стоял у гаражей за стадионом, в своей потертой кожанке, с руками в карманах. В нём вообще всё было темным – волосы, брови, взгляд, даже кожа казалась чуть смуглой на фоне остальных. Он не был красивым в привычном смысле, но в нём была тяжёлая цельность, от которой Михаилу всегда становилось не по себе. Дэн не старался нравиться. Не шутил для разрядки. Не делал вид, что ему всё равно. Он просто смотрел на мир так, будто заранее знал его цену.

- Курить будешь? – спросил Дэн, не здороваясь.
- Давай.

Они закурили молча. С Дэном молчание не было неловкостью. Скорее проверкой – выдержишь или начнёшь суетиться.

- Ты куда поступать? – наконец спросил Дэн.
- Думаю на маркетинг.
- Дэн повернул голову.
- Серьёзно?
- А что?
- Ничего. Просто ты вроде не тупой.
- Михаил усмехнулся.
- Спасибо, что заметил.
- Да не в этом дело. Просто зачем тебе это?
- Это что?
- Всё это. Продавать людям то, без чего они жили бы лучше.
- Михаил выпустил дым и посмотрел в сторону стадиона.
- А ты, конечно, пойдешь спасать мир.
- Я пойду туда, где хотя бы можно не врать себе каждый день.
- Как благородно.
- Как есть.

Вот в этом и была их проблема. Рядом с Дэном у Михаила вдруг начинало чесаться всё то, что он обычно умел прятать под шуткой. Дэн говорил так, будто существовал какой-то чистый способ жить, а всё остальное было компромиссом. Михаил не верил в чистоту. Особенно дома.

- Не все могут позволить себе выбирать, – резче чем рассчитывал сказал он.
- Да брось. Тебе-то как раз можно. У тебя мама всё оплатит, связи найдёт, жизнь разложит по папкам.

– Осторожнее.

Дэн посмотрел на него в упор.

– А что, неправда?

Вот тут у Михаила внутри сработал механизм защиты. Не потому, что Дэн попал мимо. Наоборот. Попал слишком точно.

- Ты ничего не знаешь про мою мать.
- А мне и не надо знать. Я вижу, как ты живёшь.
- Видишь? – Михаил коротко усмехнулся. – Ты видишь куртку, телефон и то, что я не хожу в рваных кедах. Это не называется "знаю".
- Это называется "не прибедняйся".
- А это называется "иди к чёрту".

Дэн выкинул сигарету, наступил на окурок.

Вот именно. Ты хочешь жить удобно и еще чтобы за это тебя уважали. Так не бывает, Миш.

- Зато у тебя, смотрю, всё очень неудобно и вообще это не я, а жизнь такая.
- По крайней мере, не по чужому плану.

Миша шагнул ближе к другу.

– Слушай, если тебе так нравится страдать принципиально, страдай. Только не делай вид, что это делает тебя лучше остальных.

Дэн прищурился.

– А тебе бы полезно хоть раз не понравиться своей маме.

Сказано было тихо, почти спокойно. Но это оказалось хуже крика.

Миша толкнул его в плечо. Не сильно, но достаточно, чтобы между ними возникла уже не школьная словесная перепалка, а что-то другое, короткое и злое.

- Не лезь туда, где ничего не смыслишь.
- А ты сам туда хоть раз лез?

Они так и не подрались. Но разошлись резко, на той ноте, после которой дружба уже не возвращается в прежний вид. Потом они ещё пересекались, кивали, могли даже бросить пару слов в компании, но что-то между ними умерло именно тогда – у гаражей, среди мокрого песка, дыма и обиды, у которой было больше причин, чем казалось.

В это же время дома шла своя тихая война.

Виктория в тот период неожиданно расцвела. До этого она всегда казалась Михаилу человеком, который живет правильной системой – ровная спина, аккуратные оценки, сдержанный смех, вещи по цветам и временам года. Не скучная, нет. Просто очень собранная. Но теперь в ней появилось что-то мягкое, неизменно счастливое. Она стала чаще улыбаться сама себе, зависать у зеркала, не потому что любовалась, а потому что думала о чём-то хорошем. Волосы, обычно собранные безупречно, иногда выбивались из хвоста, и она не спешила их поправлять. Даже ходить стала иначе – быстрее, легче, как будто у неё внутри всё время играла музыка, которую остальным не слышно.

– Ты влюбилась, – сказал ей Михаил однажды на кухне, когда она в третий раз за вечер проверила телефон и попыталась сделать вид, что ничего не произошло. Вика подняла на него глаза и улыбнулась так, что ответ уже был не нужен.

– Может быть.

– Ужас. Мне теперь с этим жить.

– Переживешь.

Через неделю она познакомила его с этим парнем.

Его звали Артём. Высокий, светловолосый, с открытым лицом и очень спокойными глазами. Не тем спокойствием, которое от пустоты, а тем, что бывает у людей, с которыми рядом не ждёшь подвоха. У него были крупные руки, аккуратные ногти, хорошая осанка и такая улыбка, при которой лицо не расплзлось, а просто светлело. Он говорил ровно, без лишней самоуверенности, смеялся охотно, но не громко, и, когда здоровался, смотрел в глаза.

Мише он понравился сразу. Не до восторга, конечно, но с редким для него внутренним согласием: да, нормальный. С таким не страшно оставить сестру в одном кадре жизни.

Они сидели вдвоем в кафе. Вика сияла, Артём что-то рассказывал про работу, Михаил слушал, иногда вставлял шутки, и всё шло удивительно легко. Но потом, дома за просмотром какого-то шоу, когда они с Викторией остались вдвоем, его вдруг кольнуло ощущение слишком правильной картинки.

– Подожди, – сказал он. – Это не тот ли Артем, которого мама хвалила зимой? Чей-то сын, у которого "хорошая семья, нормальная работа и голова на месте"?

Вика на секунду отвела взгляд.

– Ну и что?

– Вика.

– Что "Вика"?

Он повернул голову, чтобы взглянуть в Викины янтарные глаза.

– Она его тебе подобрала?

Сестра вздохнула. Воздух был с ароматом липового чая, который всегда нахваливала мама, и от этого ее ответ прозвучал еще более буднично, чем мог бы.

– У меня был выбор.

– Какой?

– Мама познакомила, да. Но я же не обязана была с ним встречаться.

– Ага.

– Миш, ну правда. Не делай из этого драму. Он хороший. И мне нравится.

– Конечно хороший. Мама плохих по каталогу не выдаёт.

Вика поморщилась.

– Ты говоришь так, будто она нас продаёт.

– Нет. Так, будто она заранее решила, какими мы должны быть счастливыми. Сестра помолчала, потом пожала плечами.

– Мама тебе тоже даст выбрать. Ничего страшного. Зато он хороший и мне нравится.

И ведь в этом была правда. Артём действительно был хорошим. Не картонным, не глупым, не заносчивым. Вике действительно повезло.

– Ладно. Если тебе с ним хорошо, то это не значит что я хочу так же.

Внутри поднялся такой резкий протест, будто ему только что показали будущую клетку и вежливо объяснили, что решётки здесь из лучших материалов.

К тому времени разговоры о вузе стали в доме постоянным фоном. Не обсуждением даже – расстановкой направляющих. Мать не приказывала в лоб. Она действовала тоньше. Могла за ужином как бы между делом упомянуть:

У Светланы сын поступает в международное право. Или: На экономике сейчас хорошие перспективы. Или: Всё-таки серьёзный вуз дает человеку опору.

"Серьёзный" в ее устах звучало как "уважаемый взрослыми, прибыльный и не вызывающий вопросов". Маркетинг в этот список не входил. Слишком расплывчато. Слишком современно. Слишком похоже на что-то, что можно назвать красивым словом "ничего".

Но Михаил уже зацепился за это решение. Не потому, что с детства мечтал именно о маркетинге. Нет. Просто в нём ему виделось что-то своё – не навязанное, не одобренное заранее, не расчерченное матерью по степеням престижности. Он хорошо понимал людей, их слабости, слова, интонации, умел чувствовать, как что продается не только в магазине, но и в разговоре, во взгляде, в подаче. Ему это было интересно. И ещё важнее – это не нравилось матери.

Последняя капля случилась в конце мая.

Они ужинали втроём – мать, Виктория, Михаил. За окном долго не темнело, и свет на кухне был какой-то плоский, словно всё происходило в слишком откровенной декорации. Мать, как всегда, сидела прямо, даже дома сохраняя ту точность тела, которая не оставляет окружающим права на расхлябанность. На ней была простая светлая блузка, но сидела она так, будто и ткань, и швы подчинялись характеру. Михаил вдруг подумал, что даже волосы у неё лежат не как хотят, а как положено.

– Ты уже определился окончательно? – спросила она, не поднимая глаз от тарелки.

– Да.

– И всё-таки не хочешь рассмотреть что-то... попрличнее?

Сказано было спокойно. Мягко даже. Но именно это "попрличнее" встало между ними как пощёчина.

Михаил отложил вилку.

– А чем тебе маркетинг не прилично?

– Не передергивай. Ты прекрасно понял.

– Нет, объясни.

– Маркетинг – слишком зыбкая история. Сегодня одно, завтра другое. Есть направления надёжнее. И достойнее.

Вика подняла голову, явно почувствовав, как меняется воздух.

– Дстойнее для кого? – спросил Михаил.

– Для человека с твоими возможностями.

– Моими ли? Или ли твоими представлениями?

Мать наконец посмотрела на него.

– Не надо разговаривать со мной в таком тоне.

– А в каком надо? В удобном?

Она выдержала паузу. Вот это её умение делать тишину инструментом всегда бесило его сильнее, чем крик.

– Я просто не хочу, чтобы ты потом пожалел.

– А я не хочу прожить жизнь, которую за меня уже одобрили.
Это уже было сказано слишком прямо. Вика шевельнулась на стуле.

– Миш... – прозвучало как шорох.

– Нет, правда, – он не смотрел на сестру. – Почему каждый раз, когда я хочу что-то сам, это звучит как ошибка?

Мать побледнела не от злости – от того холодного внутреннего напряжения, которое у неё всегда предшествовало жёсткости.

– Потому что ты ещё не понимаешь последствий своих решений.

– А ты, значит, понимаешь всё заранее?

– Намного больше, чем ты.

– Конечно. Ты же у нас вообще всё знаешь. Где учиться, с кем встречаться, как сидеть, как говорить, на кого быть похожим.

– Михаил.

– Что?

– Остановись.

Он встал.

– Нет.

Потом, уже много лет спустя, он не мог точно вспомнить, в какой момент решил подать документы тайком. Возможно, решение созрело еще тогда, прямо за кухонным столом. А может, окончательно оформилось ночью, когда он лежал, глядя в потолок, и чувствовал в груди ту знакомую смесь злости, страха и странной ясности, которая приходит перед поступком без обратного пути.

Как бы то ни было, документы он подал без её ведома.

В день подачи стояла жара. Город плавился в пыли и солнце, рубашка липла к спине, волосы на лбу быстро становились влажными. Михаил вышел из приёмной комиссии с лёгкой папкой в руке и странным ощущением, будто только что сделал не шаг во взрослую жизнь, а преступление средней тяжести. Сердце билось быстро, но легко. В этом было почти счастье – не от самого вуза, а от того, что решение наконец принадлежало ему.

Он купил воду, закурил прямо на улице, хотя днём обычно старался не делать этого так открыто. Сигарета в жаре тянулась горче обычного. Дым смешивался с горячим городским воздухом, бензином, липами и пылью. Он стоял под редкой тенью дерева и чувствовал себя человеком, который впервые сам расписался в собственной жизни.

К вечеру это ощущение закончилось.

Он не знал, кто сказал матери. Возможно, какая-нибудь ее знакомая из приёмной комиссии. Возможно, она просто слишком хорошо умела проверять. Возможно, сработала одна из тех невидимых нитей, которыми она держала мир вокруг себя. Когда Михаил вошёл домой, тишина уже была неправильной.

В прихожей стояли её туфли. На кухне горел свет. И оттуда не доносилось ни звука.

Он понял сразу.

Мать сидела за столом, перед ней лежала папка с копиями документов. Викторией не было дома. Это делало ситуацию ещё хуже. Свидетелей нет, значит, форма не обязательна.

– Паспорт, – сказала она.

Михаил остался стоять.

– Откуда у тебя это?

– Сядь.

Он сел. На секунду ему даже стало смешно – как быстро взрослый парень снова превращается за этим столом в мальчика, которого вызвали "поговорить". Но смех быстро испарился. Лицо у матери было не просто злым. Оно было треснувшим от усилия держать себя.

– Ты подал документы без моего ведома.

– Да.

– И даже не считал нужным обсудить это дома.

– Мы обсуждали.

– Нет, Михаил. Ты устраивал дешёвую подростковую истерику. Это не называется "обсуждали".

Он почувствовал, как в нём сразу напряглись плечи.

– Я не подростковую истерику устраивал. Я говорил, что это мой выбор.

– Твой выбор? – переспросила она так тихо, что стало не по себе. – Ты хоть представляешь, что делаешь?

– Да.

– Нет, не представляешь.

Он увидел на столе свою пачку сигарет и замер.

Вот оно.

Мать проследила за его взглядом.

– Да, это тоже твоё?

Несколько секунд он молчал.

– Моё.

– Мать взяла пачку двумя пальцами, как что-то грязное.

– Давно?

– Какая разница?

– Я спросила – давно?

– Некоторое время.

Она вдруг резко швырнула пачку на стол. Сигареты рассыпались, одна откатилась к хлебнице.

– Конечно – конечно. Тебе мало одного идиотского поступка, надо всё сразу.

– Не драматизируй.

– Не драматизировать? – Она резко встала.

И вот тут впервые на памяти Михаила что-то сломалось окончательно. Всегда сдержанная, всегда контролирующая каждую интонацию, каждую мимику, мать сорвалась. Не на холодную жесткость – на настоящий крик. Такой, от которого у слов слетают края и остаётся одна сила удара.

– Ты в своём уме вообще?! Ты решил угробить себе жизнь по всем пунктам сразу?!

– Это просто сигареты!

– Просто сигареты?! – она почти захлебнулась воздухом. – Сегодня сигареты, завтра что? Ты думаешь, я не знаю, как это начинается?!

– У меня по другому, – вырвалось у Михаила раньше, чем он подумал.

И тут стало совсем тихо. Та тишина, в которой уже не слышно ничего, даже улицы за окном.

Лицо матери исказилось.

– Не смей.

– А что? Мы же всегда вокруг этого пляшем, только вслух не говорим.

– Не смей сравнивать себя с ним.

– Я и не сравниваю. Это ты сравниваешь. Постоянно. Каждый раз, когда я делаю что-то не по плану.

Она шагнула к нему так резко, что он действительно на мгновение подумал – сейчас ударит.

Не ударила.

Но в глазах её было что-то такое, отчего хотелось либо выйти немедленно, либо самому что-нибудь разбить.

– Ты понятия не имеешь, о чём говоришь! – крикнула она. – Ты не знаешь, что такое жить рядом с человеком, который каждый день выбирает не тебя! Не знаешь, что такое вытаскивать детей из кризиса в одиночку! И если я вижу хоть малейший шаг в ту сторону, я буду это душить сразу, ты понял меня?!

- Я понял только то, что ты и меня тоже душишь!
- Потому что ты ведёшь себя как идиот!
- Потому что я живу не так, как тебе надо!
- Потому что ты ещё ничего не умеешь решать сам!
- Он тоже вскочил.
- Тогда дай мне научиться!
- На чём? На собственной жизни?!
- Да!

Последнее "да" ударило в стену, в стекло, в них обоих. Михаил тяжело дышал. Мать стояла напротив, побледневшая, с дрожащими пальцами. И вдруг он с почти физической ясностью понял: она сейчас боится не его. Она боится чего-то старого, что стоит за его спиной. Но от этого легче не стало.

Миша достал из внутреннего кармана украденный паспорт и небрежно бросил его на стол. Так обычно кидают ключи на полку у входной двери.

- Я поступлю туда, куда хочу.
- Пока ты живешь в этом доме, ты будешь считаться с моим мнением.
- Тогда, видимо, надо скорее перестать здесь жить.

Мать посмотрела на него так, будто он только что действительно перестал быть ребёнком, но не в хорошем смысле. В каком-то чужом. Опасном.

Он вышел из кухни, почти не чувствуя пола под ногами. Сердце стучало в горле. На лестничной площадке дрожали руки – от злости, от страха, от переизбытка всего сразу. Он открыл маленькое окошко, достал сигарету, долго не мог попасть зажигалкой.

Пальцы были ледяные, хотя вечер стоял жаркий.

Когда огонь наконец вспыхнул, он прикрыл ладонью пламя, наклонился, втянул дым резко, почти жадно. Табак был крепче, чем обычно. Горло обожгло, в груди стало тяжело, но именно эта тяжесть почему-то и успокоила. Как будто внутри наконец появилось что-то вполне конкретное, а не одна бесформенная боль.

Он стоял у окна, курил и смотрел во двор через пыльное стекло. Внизу кто-то вёл собаку. У подъезда смеялись подростки. У кого-то играла музыка из машины. Мир не изменился. Только он сам стоял теперь на какой-то новой линии, за которую уже вышел и вернуться не мог.

Позже пришла Вика. Она заглянула к нему без стука. Увидела помятую сигарету в руке, открытую настежь форточку, его лицо и сразу всё поняла.

- Она узнала? – тихо спросила Вика.
- Да.
- И про документы?
- Да.

Сестра прислонилась плечом к косяку. В домашнем свете она выглядела моложе, чем днём. Волосы были распущены, мягкими русыми волнами лежали по плечам, и от этого вся её правильность становилась почти беззащитной.

- Очень плохо? – спросила она.
- Михаил усмехнулся без веселья.
- Я думал, она меня ударит.
- Вика опустила глаза.
- Она не умеет иначе, когда боится.
- А я не умею быть её проектом.

Сестра ничего не ответила. Только подошла ближе, молча взяла с подоконника пачку и покрутила в пальцах.

– Давно?

– Достаточно.

– Почему мне не сказал?

– А что бы ты сделала?

– Не знаю. Если бы не остановила, то хотя бы знала бы, как тебя прикрыть.

Он посмотрел на неё и неожиданно тепло улыбнулся – впервые за весь вечер по-настоящему.

Ты и так много чего прикрываешь.

Вика осторожно вернула пачку на место.

– Миш...

– Что?

– Только не делай назло. Пожалуйста.

– Я не назло.

– А как?

Он хотел затянуться, задержать дым в лёгких, потом медленно выдохнуть в ночь. Но дома курить не рискнул.

– Не знаю, – сказал он честно. – Но если я сейчас отступлю, дальше всё за меня решат.

И это было правдой. Самой важной правдой его юности.

Тогда он ещё не знал, что "жить как считаю нужным" не всегда означает жить правильно. Не знал, что свобода без внутреннего компаса легко становится другой формой саморазрушения. Не знал, что сигарета, зажатая между пальцами в тёплом летнем окне, запомнит этот вечер лучше него самого и вернётся позже уже не как жест, а как язык, на котором он будет разговаривать со своей пустотой.

Но в ту ночь всё это казалось не будущей бедой, а маленькой победой.

Стоя в углу дома, опершись плечом о стену с облезлой краской Михаил снова затянулся, оперся плечом о раму и впервые с почти счастливой жестокостью подумал:

“Хоть это я выбрал сам”.

Глава 4. То, что осталось без слов

Лежа в выходной у себя в комнате и подбрасывая бейсбольный мяч к потолку Миша начал вспоминать свое детство. Так всегда бывало, когда мама вспоминала об отце.

Память о детстве не хранилась у Михаила ровной лентой. В ней не было последовательности, логики, аккуратного перехода от одного возраста к другому. Она приходила вспышками – запахом, светом, чужой интонацией, шероховатостью ткани под пальцами, коротким страхом, у которого тогда еще не было имени. Детство не вспоминалось целиком. Оно возвращалось рывками, как будто кто-то рвал старую плёнку на маленькие куски и бросал ему по одному.

Иногда это был смех.

Очень ранний, тёплый, почти не его собственный, а общий – из комнаты, залитой дневным светом. Он помнил деревянный пол, по которому скользили полосы солнца, и себя – маленького, босого, в футболке, которая съехала с одного плеча. Помнил, как отец подхватил его под мышки и подбрасывал вверх, а у маленького Мишки от этого каждый раз проваливался живот, но не от страха, а от восторга. На долю секунды мир исчезал, и оставался только воздух, огромный, золотистый, бесконечно добрый. Потом крепкие руки снова ловили его, прижимали к себе, и от отца пахло улицей, одеколоном и чем-то ещё – может, бензином, может, морозным воздухом, может, просто взрослой жизнью, в которой всё было надёжно.

– Ещё! – кричал радостный малый из воспоминаний.

– Ты лопнешь от счастья, Мишка, – смеялся отец.

У отца был красивый голос. Низкий, мягкий, чуть насмешливый, как будто даже серьёзным вещам он не хотел придавать строгую форму. Лица Михаил почти не помнил целиком. Только части: темные волосы, щетину к вечеру, широкую ладонь, часы на запястье, блеск зубов, когда он улыбался. В его памяти отец остался не человеком до конца, а ощущением силы, тепла и движения.

Потом вспоминалась кухня.

Мама ещё молодая. В домашнем платье, без привычной взрослой собранности, с убранными кое-как волосами. Она стояла у плиты и что-то помешивала, а отец сидел за столом и стучал пальцами по клеенке в ритм какой-то песни, которую напевал себе под нос. На подоконнике лежали пучки с зелёным луком, и почему-то именно это врезалось в память особенно четко – тонкие перья зелени на фоне вечернего окна.

– Не мешай, – говорила мама, еще без раздражения.

– Я украшаю ужин музыкально.

– Ты его портишь.

– Неправда. Мишка, скажи матери, что у меня талант.

– Талант, – серьёзно повторял маленький Миша, не понимая, что именно подтверждает, но радуясь, что от него ждут участия.

И мама смеялась.

Это воспоминание всегда пугало его больше остальных. Потому что в нём мама была другой. Не мягкой даже – живой. Такой, какой он потом её почти не знал. Ее смех звучал коротко, светло, без иронии. И именно поэтому казался невозможным.

Ещё был двор.

Серый, весенний, с грязным снегом по краям, с ржавыми качелями и лужами, в которых отражалось небо. Отец шёл рядом, держа его за капюшон, чтобы Михаил не влез в воду обеими ногами, а тот всё равно норовил вырваться и наступить прямо в самую глубокую. На отце была чёрная кожаная куртка, чуть потрескавшаяся на локтях. Михаил помнил, как цеплялся за её рукав – плотный, прохладный, пахнувший ветром.

– Почему небо в луже?

- Потому что лужа тоже хочет быть красивой.
- А можно взять небо домой?
- Только если найдёшь банку побольше.

Таких фраз потом очень не хватало в доме. Простых, дурацких, ненужных, от которых ребенок вдруг понимает: взрослый рядом не только запрещает и учит, он ещё умеет играть с реальностью.

Но память не спрашивала, что можно возвращать, а что нет.

Иногда приходил вечер.

Не тот, первый уютный, а другой – вязкий, тревожный. В квартире темно, хотя свет уже включен. Телевизор говорит слишком громко. В прихожей долго не снимают пальто. Голоса родителей доносятся из кухни – приглушённые сначала, потом резче. Михаил сидит в комнате на ковре и двигает машинку по узору, будто едет по дороге, но вслушивается не в игру, а в паузы между словами.

Он тогда ещё не понимал смыслов. Только температуру звуков.

Мамин голос становился тоньше и тверже. Отцов – ниже, глуше, иногда с коротким смешком, от которого даже ребёнку делалось не по себе.

Потом вспышка: разбитая чашка. Не крик даже, а звук удара о пол. Белые осколки под столом. Мама стоит, очень прямая, слишком прямая. Отец проводит рукой по лицу, как будто устал.

– Не при ребенке, – говорит мама.

– Вот это Миша запомнил отчётливо. Не что было "не при ребенке". А само выражение. Как будто он в тот момент перестал быть Мишей и стал функцией – ребёнком, при котором чего-то нельзя.

Еще вспоминалась ночь. Через пять лет.

Он проснулся оттого, что в коридоре горел свет. Дверь в комнату была приоткрыта, и полоска желтого света лежала на полу. Он вышел босиком, сонный, с тяжёлой головой, и увидел чемодан. Темный, большой, стоящий у стены. Тогда он ещё не понял, что происходит. Чемодан означал дорогу. Поездку.

Отец стоял рядом, уже в куртке. Мама – напротив, белая, как лист, и страшно тихая.

– Ты же сказал, в выходные, – сухо произнесла она.

Отец не ответил сразу. Он смотрел куда-то поверх её плеча. Потом заметил Мишу.

На секунду всё изменилось. Лицо у него стало другим – мягче, виноватее, может быть, даже испуганное. Он присел перед сыном, и Михаил почувствовал знакомый запах – табак, лица, холод.

– Ты чего не спишь, Мишка?

– А ты куда?

Отец улыбнулся. И вот эта улыбка потом много лет возвращалась в самых неподходящих местах – неровная, болезненная, сделанная через силу.

– Мне нужно уехать ненадолго.

– Еще ненадолго? Тебя и так долго не было.

Мама поджала губы и процедила:

– Нет. Не сейчас.

Михаил помнил, как потянулся к нему, как тёр глаза кулаком, как не чувствовал никакой большой беды – только обычное недовольство: почему без меня?

– Привезешь что-нибудь?

– Конечно.

Отец поцеловал его в макушку.

Щетина царапала висок. Потом встал.

Мама больше ничего не сказала. Только отступила на полшага, освобождая проход. Это движение почему-то врезалось в память сильнее всего. Не слёзы, не слова, а именно шаг в сторону.

Дверь закрылась не громко. В ночной тишине было слышно удаляющиеся шаги. Потом стало тихо.

Очень тихо.

Михаил ещё какое-то время стоял в коридоре, держась за край своей пижамной футболки. Потом посмотрел на мать.

– Когда он вернётся?

Она ответила не сразу. Будто ей нужно было сначала успокоиться.

– Иди спать, Миша.

– Когда?

– Иди. Спать.

Он не помнил, плакала ли она потом. Кажется, нет. Во всяком случае, не при нём.

Утром чемодана уже не было. Отца тоже.

Зато осталось много вещей, которые почему-то не забрали сразу. Бритва в ванной. Рубашка на спинке стула. Пепельница на балконе. Запах лосьона после бритья, слабый, упрямый, державшийся в комнате дольше, чем положено запахам.

Детское сознание устроено жестоко и милосердно одновременно: оно не умеет до конца понимать потерю, если её не объяснили. Поэтому первое время Михаил просто ждал. Не каждый час, нет. Периодами. Увидит вечером свет фар на потолке – и думает: может, папа. Услышит шаги на лестнице – и замрет. Когда звонил телефон, он иногда бежал быстрее матери, хотя брать трубку ему не разрешали.

Потом ожидание стало с привкусом безнадёжности. Потом – глупым. Потом исчезло совсем.

Однажды он спросил у Вики:

– А папа нас бросил?

Она была старше и уже знала больше, чем он. Сидела за письменным столом, делала уроки, тонкая, серьёзная, с двумя косами. Не повернулась сразу.

– Не говори так, – ответила она.

– Почему?

– Мама не любит.

– Но это правда?

Вика помолчала.

Наверное, именно тогда Михаил впервые понял, что в их доме существуют темы, вокруг которых можно жить, но нельзя говорить прямо. Они становились как мебель – всегда на месте, но будто не замечаемая. Отец исчез не только из квартиры. Он исчез из языка.

Его имя почти не произносили. Фотографий стало меньше. Потом не стало вообще.

Мать работала всё больше. В её движениях появилась та сухая точность, которая позже станет для Миши почти синонимом самой матери. Она как будто собрала себя из осколков в новую, очень крепкую конструкцию, где больше не было места ни слабости, ни хаосу, ни ожиданию. Детей она держала близко – слишком близко. Как будто мир один раз уже попробовал отнять у неё семью, и теперь она собиралась выиграть у него реванш за счёт полного контроля.

Тогда Михаил этого не понимал.

Он просто помнил, как однажды нашел на балконе старую отцовскую зажигалку. Она застряла между тумбой и стеной. Металлическая, тяжелая, красивая. Старый механизм сработал не с первого раза, но всё-таки дала маленький ровный огонь. Мальчик смотрел на него с восхищением, пока мать не увидела.

– Где взял?

– Там лежала.

Она подошла быстро, выхватила зажигалку из его руки так резко, что он вздрогнул.

– Никогда не трогай чужие вещи.

– Она папина?

Мать застыла.

– Неважно.

– А он придёт?

– Сам ещё не понял?

Тогда он обиделся. Не на запрет даже – на то, что она снова не ответила.

Теперь, много лет спустя, сидя в кресле у окна и глядя в тусклое стекло, он думал, что, возможно, всё началось именно там – не в первой сигарете, не в подростковом бунте, не в скандалах из-за вуза. А раньше. В той закрытой двери. В чемодане у стены. В матери, которая не плакала. В отце, который пообещал вернуться так легко, будто не понимал, что дети верят в слова буквально.

Память не давала целой картины. Только куски.

Тёплая ладонь на затылке. Смех на кухне. Осколки чашки. Жёлтый свет в коридоре. Шаг в сторону. Щелчок зажигалки. И тишина, которая после этого поселилась в доме так надолго, что все привыкли считать это нормой.

Глава 5. Лёгкая привычка

Университет начался для Михаила с воздуха.

Не свободы даже – свобода была слишком громким словом, слишком изношенным, слишком похожим на лозунг. А именно воздуха. Как будто до этого он всё время жил в комнате с закрытыми окнами и только иногда, урывками, выходил на балкон. А теперь окна распахнули настежь, и оказалось, что мир не собирается давить на него каждую секунду.

В первый день сентября здание университета гудело так, будто внутри него поселился целый город. Шаги, голоса, запах кофе из автомата, бумага, духи, влажные куртки, светлые коридоры, объявления на стендах, торопливые лица, чужой смех. Всё было чуть хаотичным, чуть нарочито деловым и в то же время удивительно живым.

Миша вошёл внутрь с таким видом, которое всегда надевал в новых местах: спокойным, собранным, немного отстраненным. Будто ему не особенно важно, как всё сложится. На самом деле внутри он был напряжен до ломоты в плечах. Не из-за учёбы – учёбы он как раз не боялся. А из-за того самого ощущения старта, когда никто ещё не знает, кто ты такой, и тебе снова приходится собирать себя в образ, показывать миру нужную версию.

Впрочем, на этот раз оказалось легче, чем он ожидал.

– Слушай, если ты тоже не понимаешь, куда нас отправили, значит, ещё не всё потеряно.

Он обернулся. Перед ним стоял высокий парень с темными растрепанными волосами и насмешливым прищуром, будто всё происходящее уже заранее казалось ему не до конца серьёзным.

– А если понимаю? – спросил Михаил.

– Тогда ты либо гений, либо врешь. Я ставлю на второе.

Михаил усмехнулся.

– Миша.

– Кирилл.

Рядом с Кириллом почти сразу возник второй – светловолосый, открытый, с такой простой доброжелательностью во взгляде, будто время рядом с ним ощущается как воздух.

– Не слушай его, он так знакомится, – сказал он. – Лёша.

Они с Кириллом действительно оказались давно слаженной парой друзей, друживших ещё со школы. Это чувствовалось по тому, как легко они перебрасывались фразами, не договаривая половину, как спорили без настоящего раздражения, как Кирилл иронизировал, а Лёша своим начпачито деловым тоном тут же снимал лишнюю остроту.

Михаил неожиданно быстро встроился в их ритм.

Сначала – на парах. Потом – в очереди в буфете. Потом – в коридорах между аудиториями, где они уже стояли втроём, прислонившись к подоконнику, обсуждая преподавателей, будущие сессии, чужую глупость и собственные мнимые перспективы. А потом это как-то само собой вышло за пределы университета: кофе после занятий, дешевая пицца в полупустом кафе, длинные прогулки без особой цели, переписки по ночам перед зачетами.

С Кириллом было интересно. У него был острый ум, чуть колющий юмор и привычка замечать то, мимо чего остальные проходили. Он мог за пять минут разложить по полочкам человека, преподавателя или ситуацию так точно, что Михаилу становилось то смешно, то неловко. Иногда Кирилл казался слишком резким, но делал это не из злости, а из какой-то внутренней потребности не принимать мир на веру.

Лёша был другим. Рядом с ним всё становилось проще. Он не старался казаться умнее, глубже или жёстче, чем был. Легко смеялся, легко загорался, легко поддерживал чужую идею. В компании именно он чаще всего задавал темп. Не шум, не драйв. В основном тепло, без которого даже самая веселая дружба быстро становится соревнованием.

С ними Михаилу впервые за долгое время было спокойно.

Не нужно было всё время угадывать чужое настроение. Не нужно было ждать скрытого укола. Не нужно было заранее обороняться.

Он учился отлично – почти сразу, без раскачки, как будто только этого от него и ждали. И отчасти так и было. Условие матери было предельно ясным: хочешь учиться там, где сам выбрал, – учишься безупречно. Не просто хорошо. Не просто прилично. Безупречно. Красный диплом не назывался вслух каждый день, но присутствовал между строк в любом их разговоре.

Михаил принял эту сделку. Почти с удовольствием. В ней, по крайней мере, всё было честно: он получал своё пространство, а взамен должен был быть лучшим.

И он был.

У него получалось схватывать материал быстро, работать много и при этом не превращаться в одержимого отличника. Это даже нравилось окружающим: красивый, спокойный, умный, без заносчивости, без тяжёлого пафоса. Преподаватели его запоминали. Однотруппницы – тем более.

– Вот объясни, – сказал как-то Кирилл, когда они вдвоём сидели в кафе после пар, – почему таким людям, как ты, вообще дают полный комплект?

– Какой ещё комплект?

– Лицо, мозги, манеры, нормальный голос, чувство меры. Это нечестно.

– Забыл добавить скромность, – вставил Лёша. – Нет, скромность ему как раз не положена. Иначе был бы совсем подозрительный.

Михаил засмеялся.

– Я, между прочим, живой человек, а не набор характеристик.

– А сразу то и не скажешь, – серьёзно сказал Кирилл.

И от этой фразы, сказанное в таком тоне все дружно засмеялись. Классно.

Они часто сидели в одном маленьком кафе неподалёку от университета. Там были круглые шаткие столики, слишком крепкий американо, пироги, которые к вечеру становились суховатыми, и официантка с уставшим взглядом, но именно туда их почему-то тянуло снова и снова. В этих местах не было ничего особенного, кроме одного: там постепенно собиралась их студенческая жизнь. Из случайных встреч, привычных шуток, недосказанных признаний, обсуждений экзаменов, планов, девушек, поездок и той прекрасной ерунды, которая всегда кажется временной, а потом вдруг оказывается, что именно это откладывается в памяти на долгие годы.

Почти сразу после начала учёбы в жизнь Михаила незаметно встроились перекуры.

Сначала это были просто паузы. Выйти после двух пар на крыльцо, постоять в стороне, посмотреть, как другие говорят, курят, смеются, спорят. Потом – сигарета после тяжёлого семинара. Потом – после удачного ответа. Потом – за компанию. Потом – потому что вечер, прохладно, и разговор почему-то лучше ложится на дым.

Курение придавало всему особый ритм. В нём была какая-то взрослая небрежность, небольшая театральность, ощущение короткой остановки, на которую ты имеешь право. Михаил не думал о зависимости. Само это слово казалось слишком грубым и неподходящим. Он просто курил. Иногда чаще, иногда реже. Не по утрам. Не дома. Не слишком много. Всё выглядело вполне невинно.

– Ты, кстати, странный какой-то, – заметил Лёша однажды, когда они стояли после пар у бокового входа.

– Это не новость. Странно то, что ты это заметил только сейчас.

– Нет, правда. Ты куришь, но не пьёшь. Обычно бывает наоборот.

– Я просто берегу печень.

Кирилл хмыкнул:

– Какая трогательная забота. Легкие, видимо, не заслужили.

Михаил пожал плечами.

– Я же бегая. Все очищается естественно.

– А, ну тогда конечно, – с предельной серьезностью сказал Кирилл. – Один круг по стадиону на десять сигарет. Спортивная медицина плачет. Им срочно нужен такой спец.

Михаилу и правда казалось, что всё уравновешено. Он продолжал бегать по вечерам, иногда рано утром, если накануне вернулся домой пораньше. Любил этот момент, когда город ещё не до конца проснулся, воздух прохладный, а тело работает четко и послушно. Бег возвращал ощущение контроля. Пока он мог выдерживать темп, пока сердце билось ровно, а дыхание держалось, ничего плохого с ним, как будто, случиться не могло.

Иногда друзья выбирались в клубы.

Это была не какая-то бурная, безумная студенческая жизнь из чужих историй, где все бесконечно напиваются, теряют вещи, ссорятся, мирятся и просыпаются на чужих диванах. Скорее – редкие яркие вылазки. Когда кто-то сдавал сложный экзамен. Когда у кого-то был день рождения. Когда просто хотелось не сидеть дома. Кирилл с Лешей, конечно, уходили в отрыв чаще. Мише такие места нравились только под настроение.

Михаил там смотрелся так, будто всегда знал, как держаться в подобном пространстве. Музыка, свет, чужие взгляды, теснота, громкие разговоры – всё это его не смущало. Он не пил или ограничивался чем-то символическим, и на этом фоне казался ещё более собранным. Девушки к нему тянулись быстро, иногда слишком явно.

Одна из них задержалась дольше других.

Её звали Аня. У неё были крашенные темные волосы до плеч, привычка чуть шуриться, когда она слушала, и такой смех, будто она смеётся не для эффекта, а потому что ей действительно весело. Они познакомились в компании, потом столкнулись ещё раз, потом ещё. Всё вышло легко, без надрыва, без сложных объяснений. Михаилу было с ней хорошо именно потому, что ничего не приходилось вымучивать.

Они ходили в кино, много гуляли, однажды поехали почти наугад в другой конец города только потому, что Аня вспомнила о какой-то кофейне с огромными окнами и лучшим в мире какао. Сидели там у стекла, глядя, как по тротуару мимо тянутся люди в пальто, и спорили о фильмах, которые оба смотрели, но по-разному поняли.

– Ты всегда так спокойно говоришь, – заметила она.

– А не надо? Неврастеники по другую сторону.

– Ха-ха. Seriously же. Не знаю. Как будто у тебя внутри всё заранее разложено.

Он усмехнулся.

– Это обманчивое впечатление. На самом деле я собираю коллекцию розовых пони, а когда все собраны швыряю их из окна мелким на радость.

– Ага, – улыбка не сходила с Аниного лица. – Скорее я поверю что ты собираешь карты для взрослых. Чем то же вы занимаетесь с друзьями, когда ходите друг к другу в гости.

Миша улыбнулся той самой полуулыбкой, одновременно соблазнительной и предвкушающей.

– Кто знает.

С ней он иногда думал, что, возможно, именно так и должна выглядеть нормальная молодость. Не идеальная, не книжная, а просто нормальная: друзья, учёба, симпатии, ночные переписки, планы на выходные, разговоры ни о чём и обо всём сразу.

Однажды он остался ночевать у Лёши.

Вообще-то всё началось банально: поздно закончили общий проект, потом засиделись, потом метро уже почти закрылось, потом стало лень тащиться через полгорода. Лёша жил с матерью и младшей сестрой в обычной, слегка тесной, но какой-то удивительно уютной квартире. Там пахло супом, стиральным порошком и кошкой, которая, впрочем, так и не показалась из комнаты.

– Спать будешь на диване, – сказал Лёша. – Он коварный, сразу предупреждаю. Если неудачно лечь, можно провалиться в щель и исчезнуть.

– Прекрасно. Всегда мечтал умереть в недрах советской мебели.

– Смерть будет мягкой, это все что я тебе могу пообещать.

Они ещё долго не спали. Лежали в темноте, подсвеченной только уличным светом из окна, и говорили обо всём подряд – о группе, о преподавателях, о том, кто кому нравится, кто чего боится, кто куда поедет летом, кто кем вообще себя представляет через пять-десять лет. С такими разговорами ночь всегда становится особенной: вроде бы ничего великого не произнесено, но в какой-то момент чувствуешь, что человек рядом вдруг стал ближе.

– Ты никогда не расслабляешься до конца, – тихо сказал Лёша.

Михаил повернул голову.

– С чего бы?

– Не знаю. Чувствуется.

– Это плохо? Вообще я первый раз на ночёвке.

Нет. Просто...да ну? Серьёзно? – и Лёша прочёл что-то в Мишиных словах, отчего сразу понял как сгладить неловкость. – С почином тогда. У меня все по простому конечно, но советую тебе побывать в гостях у Кирилла, у них свободных комнат для нас хватит, да ещё и останется. У него сестры, выросли уже, он мелкий самый, вот с родными пока и живет.

Михаил не ответил. Только кивнул, показал что услышал. В темноте такие фразы звучали слишком прямо.

С утра Лёшина мать накормила их сырниками и посмотрела на Михаила тем особым добрым взглядом взрослых женщин, которым он всегда немного не доверял, потому что в нём была какая-то безусловная, незаслуженная симпатия.

– Худой какой, – сказала она. – Вас там вообще кормят?

– Не успевают, – серьёзно ответил Михаил.

– Лёша, бери пример, хоть кто-то у тебя в друзьях не забывает о скромности.

– Всё, теперь я тут официальный любимец семьи, – сказал Михаил, когда они вышли из подъезда.

– Недолго, – отозвался Лёша. – Ещё пара визитов, и тебя заставят помогать на даче. Но думаю твои фразочки заставят маму задуматься о смене мнения гораздо раньше.

– Не ревнуй.

Ещё один отличный день.

Годы в университете проходили на удивление быстро. Не как отдельные большие события, а как цепочка маленьких живых эпизодов, которые и создают ощущение времени.

Первая зимняя сессия – и их полусонное существование между конспектами, кофе и нервным смехом. Весна с внезапным ощущением, что они уже “свои” в этом здании. Лето, когда город делался пыльным, горячим, и после экзамена хотелось просто долго идти пешком, никуда не торопясь. Новые знания, новые предметы, привычные аудитории. Шутки, только для их компании, которые уже не понял бы посторонний. Фотографии, на которых все еще почти дети, но уже уверены, что взрослые.

Михаил держал себя ровно. Учился, бегал, встречался с Аней, не давал матери лишних поводов для претензий. Их отношения стали внешне спокойнее – та самая форма холодного мира, которая возможна, когда обе стороны соблюдают договор. Она не лезла в каждую мелочь, пока оценки оставались безупречными. Он не спорил там, где можно было промолчать. Иногда они даже разговаривали почти мирно.

Почти.

Но всё равно даже в хорошие периоды между ними всегда оставалось что-то натянутое, как тонкая леска, которую не видно на свету, пока не заденешь рукой.

Курение тем временем стало не событием, а фоном.

Сигарета по дороге к метро. Сигарета после долгой прогулки. Сигарета у клуба, когда музыка внутри слишком громкая и хочется на минуту наружу. Сигарета на набережной. Сигарета после сданного экзамена. Сигарета, пока Кирилл спорит о политике. Сигарета, пока Лёша рассказывает какую-то совершенно нелепую историю. Сигарета просто потому, что вечер.

Это уже не казалось выбором. Скорее – маленькой привычной деталью дня. Легкой. Ничего не значащей. Даже почти красивой.

На втором курсе осень выдалась сырой и длинной. Город стоял в легком сером дожде, асфальт всё время блестел, куртки не успевали просыхать, а воздух был тяжелым, мокрым. Повышенная влажность поступала к горлу при каждой попытке широко вдохнуть.

Тогда Михаил впервые заметил кашель.

Сначала мимоходом. После пробежки. Потом по утрам. Потом после перекура на холоде. Он не был сильным, не пугал, не выбивал из жизни. Просто появлялся и уходил. Что-то царапало изнутри, горло першило, грудь будто сжимало сыростью.

– Простыл? – спросила Аня, когда он в очередной раз откашлялся на улице.

– Да ерунда.

– Ты так на всё говоришь.

– Потому что на девяносто процентов это правда.

– А на остальные десять?

– Остальные не стоят твоего внимания дорогая.

Она посмотрела на него с подозрением, но спорить не стала.

Потом во время одной из пробежек сбилось дыхание раньше обычного. Не катастрофично – просто неприятно. Михаил остановился, уперся ладонями в колени, вдохнул глубже. Холодный влажный воздух вошёл резко, почти с болью.

Он выпрямился, постоял немного и побежал дальше.

Ничего страшного. Устал. Не выспался. Слишком сыро. Бывает.

Зимой, как ни странно, стало легче. Морозный воздух был чище, звонче, суше. Бежать по снегу нравилось больше, чем по осенней каше. Кашель почти ушёл, дыхание выровнялось, и зарождающиеся тревожные мысли показались смешными.

Значит, действительно ерунда.

К весне все снова закрутилось: учеба, зачеты, встречи, редкие вечеринки, Аня, друзья, длинные разговоры, всё та же молодость, которая вблизи никогда не выглядит особенной, но изнутри светится чем-то почти неуловимым.

Прошло два года.

Как-то слишком быстро, как всегда проходит хорошее время. Незаметно. Без предупреждения.

В один из осенних вечеров Михаил вышел на пробежку позже обычного. Уже смеркалось. Воздух был влажный, с запахом мокрой листвы и далёкого дыма сожженной прошлогодней травы. Под ногами мягко шуршали листья, местами асфальт темнел от недавнего дождя. Город вокруг жил своей привычной жизнью: редкие машины, свет в окнах, чьи-то голоса, собака, тянущая хозяина к кустам, трамвайный звон в стороне.

Сначала всё шло хорошо. Тело работало автоматически, шаг ложился ровно, плечи были свободны, мысли текли бездумно – обрывки разговоров, дедлайны, Аня, какая-то шутка Кирилла, необходимость завтра дописать работу.

Потом в груди опять что-то неприятно стянуло.

Не резко. Не больно. Скорее как чужая ладонь легла изнутри и чуть сдавила. Он сбавил темп. Вдохнул глубже. Выдохнул.

Ничего. Продолжаем.

Через несколько минут стало труднее дышать. Воздух будто перестал доходить до конца. Михаил остановился, провёл рукой по волосам, сделал ещё один вдох – длинный, глубокий. Легкие ответили с натугой.

Он тихо выругался себе под нос.

На дорожке никого не было. Только сырой вечер, фонари в мокром ореоле света и его собственное дыхание – чуть более шумное, чем должно быть.

– Да брось, – сказал он в пустоту, будто тело могло его услышать и послушаться.

Постоял. Подышал. Снова побежал.

Медленнее. Короче шаг. Ровнее дыхание.

И на какое-то время действительно стало легче.

Когда он возвращался домой, на губах чувствовался холодный привкус воздуха, а в горле оставалась лёгкая жёсткость. Михаил поднял воротник куртки, достал сигареты, повертел пачку в пальцах, потом всё-таки закурил прямо у подъезда.

Дым вошёл привычно, почти успокаивающе.

Он смотрел, как над мокрым асфальтом дрожит свет фонаря, и думал без тревоги, почти лениво: надо бы, наверное, меньше курить перед тренировкой. Или временно сократить бег. Или просто переждать осень.

Затушив ещё большую половину сигареты, Миша выдохнул в темноту и поднялся домой, уже почти не помня о неприятном эпизоде.

Будто тело просто на секунду ошиблось. Будто это действительно ничего не значит. Будто всё по-прежнему под контролем.

Глава 6. Запах

К началу третьего курса университет уже перестал быть для Михаила новым пространством, которое надо ощупывать, примерять на себя, осваивать. Он стал чем-то вроде второго города внутри города – со своими маршрутами, лицами, привычными шутками, лестницами, окнами, запахом кофе у входа и вечным сквозняком в длинном коридоре на втором этаже.

Теперь они шли по этим коридорам уже не как первокурсники, пытающиеся выглядеть уверенно, а как люди, у которых здесь есть своё место. Почти своё. Настолько, насколько вообще может быть «своим» место, в котором тебя всё равно всегда оценивают.

Михаил это любил. Любил понятность системы, в которой можно было при желании выигрывать. Любил ощущение скорости, когда семестр набирал ход, когда накапливались дела, дедлайны, ответы, выступления, и он снова входил в тот рабочий ритм, где всё зависело от него самого. Здесь не надо было угадывать чужие настроения так, как дома. Здесь было проще: знаешь – отвечаешь, работаешь – получаешь, ошибаешься – исправляешь.

Хотя и университет, конечно, не обходился без своей человеческой путаницы.

Начало осени выдалось тёплым, почти щедрым. Вечерами воздух еще держал летнее тепло, листья только-только начинали желтеть, и город выглядел так, будто не торопится расставаться с чем-то хорошим. У всех было настроение старта – еще не усталость, не гонка, а приятное возбуждение: новый учебный год, новые преподаватели, новые слухи, новые истории.

Именно в эти первые недели Лёша однажды объявил с важностью человека, принесшего коллективу счастье:

– В субботу идем. Без вариантов.

– Куда? – спросил Миша.

– На вечеринку.

– Это не ответ, а лозунг, – заметил Кирилл.

– Вполне себе ответ. У знакомых ребят, будет нормально.

– То есть грязно, шумно и бессмысленно, – уточнил Кирилл.

– То есть весело, – поправил Лёша. – А тебе полезно иногда вылезать из образа разочарованного интеллектуала.

– Я не в образе, я в состоянии.

– Тем более. Давай Миш, идём! Расслабишься, развеешься. Туда-сюда и может девочку какую себе найдёшь.

– Чтoб этот да не нашёл... – закатил глаза Кирилл.

– А у меня есть выбор?

– Нет. – синхронный ответ

Миша усмехнулся. На самом деле он и сам не был против. К таким вечерам он относился спокойно: не ждал от них ничего великого, но понимал, что именно из них потом чаще всего и остаются хорошие, живые воспоминания. Не из больших событий. Из шума, случайных разговоров, музыки, чьих-то нелепых танцев, бессмысленных реплик, которые почему-то запоминаются на годы.

В субботу они встретились заранее, ещё до самой вечеринки, в небольшом баре возле метро – не чтобы напиться, а скорее чтобы настроиться на вечер. Кирилл с видом человека, которого насильно выгнали в цивилизацию, пил что-то тёмное и смотрел по сторонам так, будто внутренне уже готовил план на вечер десятилетия. Лёша, как всегда, легко болтал со всеми подряд. Миша сидел напротив них, слушал, улыбался в нужных местах и чувствовал то редкое, почти беззаботное настроение, которое иногда накрывало его в компании друзей.

– Знаете, что мне в вас нравится? – сказал Лёша.

– То, что мы не можем уйти? – предположил Кирилл.

– Нет. То, что вы оба производите впечатление нормальных людей, пока не начнете говорить.

– Сильное замечание, напомни Кирюх, почему он до сих пор наш друг. – отозвался Михаил.

– Я тот самый старый добрый друг, с которым ты будешь отжигать в старости. А ещё вы единственные, кто не обижаются на мои шутки, так что повязаны мы, понимаете?

– Нет, ты погляди? Мне все чаще кажется, что я не разборчив в людях. Миш, вот этого парня я прижал под свое крыло, когда он ещё колготки носил. – сказал Кирилл.

Они рассмеялись, чокнулись бокалами, а после бара пошли дальше уже втроём, через мягкий вечерний город, где окна кафе светились жёлтым, а на тротуарах было ещё полно людей.

Дом, где проходила вечеринка, оказался именно такой, каким и должен был быть для студенческого сборища: слишком тесным для количества гостей, душным, шумным, с музыкой, которая делала разговоры слегка крикливыми, и вечным движением в коридоре, на кухне, у подоконников, в комнатах. Кто-то курил у открытого окна, кто-то спорил о какой-то чепухе, кто-то уже танцевал так, словно вокруг никого нет.

Михаилу такие пространства обычно нравились первые пару часов. Потом они начинали утомлять. Но пока вечер только набирал силу, было легко.

Он почти не пил – взял что-то символическое, больше для вида, чем по желанию. Это давно стало частью его образа: он мог прийти, быть своим, шутить, танцевать, разговаривать, но не терять контроль. Это, как ни странно, только добавляло ему очков. Людей всегда немного интригует тот, кто не растворяется в общем беспорядке, а остается собранным.

Где-то в середине вечера Лёша исчез с кем-то на балконе, Кирилл сцепился языком с двумя девушками и, судя по лицу, уже одновременно и флиртовал и строил дальнейшие планы, а Миша оказался на кухне, куда постоянно стекались люди за новой порцией шума и напитков.

Там он впервые увидел Стаса.

Тот стоял, прислонившись плечом к холодильнику. Светлая рубашка с закатанными рукавами, спокойное лицо, внимательный взгляд. Не красавец в очевидном смысле, но человек, в котором сразу чувствовалась собранность. Он не суетился, не пытался перекричать музыку, не делал лишних движений. На фоне общего хаоса это выделяло его сильнее, чем странные костюмы.

Кто-то представил их друг другу слишком быстро, в общей неразберихе.

– Стас.

– Миша.

Они пожали руки.

– Ты с кем? – спросил Стас.

– С Кириллом и Лёшей.

– А. Я знаю Лешу.

– Да, отличный парень, – Миша открыл банку газировки. – А ты не выглядишь как человек, которому здесь нравится.

Стас чуть усмехнулся.

– Я не притворяюсь, если мне что-то не нравится.

– Уйдёшь?

– Пока останусь. Раз уж пришел.

Разговор сначала был натянутым, неловким. Но Миша сразу отметил в нём одну вещь: Стас говорил без лишнего шума. Не старался понравиться, не бросался шутками в воздух, не выпячивал ум, не пытался понравиться. Просто слушал внимательно и отвечал так, будто зараннее отделял важное от второстепенного. “Практичный”, подумал Миша. Из тех, кто в любой компании сначала всё оценивает, а потом уже решает, насколько глубоко в неё входить.

Потом кто-то сзади неловко развернулся, кого-то толкнули локтем, и пластиковый стакан с пивом опрокинулся Мише прямо на футболку и рукав рубашки.

– Блин, извини! – крикнул парень, чьего лица Михаил даже не запомнил.

– Ничего, – отмахнулся Миша, стряхивая с себя липкую прохладу.

Пиво было холодным, пахло резко и неприятно, но в общей суете это показалось такой мелочью, что он почти не обратил внимания. Засмеялся, отошёл к раковине, кое-как промокнул салфетками ткань, но запах всё равно остался – кисловатый, навязчивый.

– Теперь выглядишь так, будто хотя бы пытался веселиться как все, – выплыл откуда-то Леша. – О, привет, Стас, как сам?

Их разговор протекал уже легче. Стас оказался именно таким, каким Миша почувствовал его сначала: спокойным, рациональным, с суховатым чувством юмора. Он не был похож ни на Кирилла с его иронией, ни на Лёшу с его тёплой лёгкостью. В нём было что-то более твердое, земное. Он сразу вызывал ощущение человека, который в критической ситуации не растеряется, а начнет действовать.

Миша не любил поспешных выводов о людях, но к концу вечера уже возникло желание: со Стасом неплохо бы еще пообщаться.

Домой он уходил поздно.

Ночь была ещё тёплая, но с тем первым осенним холодком, который появляется ближе к утру и делает улицы как будто чище и пустее. Голова у Миши была ясная. Он действительно не пил. Не любил послевкусию. Не любил туман ть разум. Чуть шумело в ушах от усталости и музыки, но не больше. Зато одежда всё ещё пахла пивом – мерзко, навязчиво, в общем отвратительно.

Он открыл дверь тихо, надеясь проскользнуть к себе без разговоров.

Не получилось.

Мать вышла в прихожую почти сразу, будто не спала и ждала не его, а повода.

Она остановилась в двух шагах, и лицо её изменилось мгновенно – не от удивления, а от узнавания. Точнее, от того, что ей показалось узнаваемым.

– От тебя пахнет алкоголем.

Не вопрос. Приговор.

Михаил устало провёл рукой по волосам.

– На меня разлили пиво.

– Конечно. – едкое.

– Я серьёзно.

– А я, по-твоему, нет?

Голос у неё уже пошёл вверх – не в истерику пока, а в ту ужасную, режущую резкость, когда никакого разговора больше не будет, только обвинение, разгоняющее само себя.

– Ты в каком состоянии домой приходишь?

– В нормальном.

– Нормальном? Ты это называешь нормальным?

– Мам, посмотри на меня.

– Я как раз смотрю! И вижу всё, что нужно.

Миша почувствовал знакомое, почти старое до тошноты ощущение: не злость даже, а бесполезность любой попытки объяснить. Всё уже решено заранее. Все роли распределены. Он может говорить что угодно – это только продлит сцену, которую пытается устроить мама.

– Я не пил почти, – сказал он всё-таки.

– Почти?

– Это оборот речи.

– Удобный оборот. Очень мужской. Сначала “почти”, потом “немного”, потом “все пьют”, потом “я контролирую”.

Она говорила всё быстрее. Слова цеплялись одно за другое так, будто ждали именно этого запаха, именно этого вечера, именно этого повода. Миша стоял, глядя на неё, и вдруг очень ясно понял: она говорит не с ним. Точнее, не только с ним. И, может быть, не столько с ним.

С отцом. С памятью. С тем страхом, который в ней давно жил и искал форму.

– Хочешь повторить его жизнь? – резко бросила она.

Вот тут Михаил напрягся. Медленно. Почти с холодным интересом.

– Не начинай.

– А что, нельзя? Нельзя называть вещи своими именами?

– Какие именно вещи?

– Те, которые ты прекрасно понимаешь.

Он посмотрел на неё внимательнее. Она была не просто зла. В ее глазах отражалась боль, почти лихорадка, слишком сильная для обычной ссоры из-за запаха пива.

– Что случилось? – спросил он уже другим тоном.

Но мать будто не услышала.

– Я слишком хорошо знаю, с чего это начинается. С компаний, с вечеринок, с “ничего страшного”, с “ты всё преувеличиваешь”. А потом такие, как твой отец, внезапно оказываются в земле, а до этого успевают уничтожить всё вокруг.

В прихожей стало очень тихо. Даже слишком.

Миша медленно выпрямился.

– Мам. Это всего лишь разлитое пиво. Посмотри на меня, что ты говоришь вообще? От этого не умирают.

Мать замолчала поджав губы.

Он смотрел на неё и чувствовал, как в груди что-то холодеет не от страха даже – от предчувствия, что сейчас прозвучит что-то невозможное, уже случившееся без него. Потом Миша зацепился за слова. Просто чтобы вывести маму из себя. Так она точно не будет молчать. Это всегда работало.

– Почему ты сейчас вспомнила отца? – спросил Миша.

Она отвела взгляд. Совсем ненадолго. Но этого хватило. Да, вот так. Мише доставляло удовольствие, когда мама злилась. Так она показывала хоть какие-то эмоции, кроме своей пластиковой маски судьи.

– Что значит “в земле”? – Миша зацепился за слова. Он часто так делал, чтобы заставить маму говорить. Трюк сработал и сейчас, но потом Миша понял, лучше бы в этот раз вышла осечка.

– Три месяца назад его не стало, – сказала она сухо, будто произносила не новость, а формальность, которую давно следовало закрыть.

Михаил сначала даже не понял. Слова были слишком простыми. Слишком ровными. Они не совпадали с тем, что должны были значить.

– Что?

– Он умер, Михаил. Три месяца назад.

Воздух в прихожей как будто перестал двигаться.

– Почему ты... – он осёкся. – Почему я узнаю это сейчас?

– А когда надо было? – резко ответила она, и это уже была защита. – Когда у тебя сессия? Когда у тебя экзамены? Когда тебе хорошо и ты со своими друзьями приходишь в гости?

– Ты вообще слышишь, что говоришь?

– Я слишком хорошо слышу. А вот ты забыл, что со мной уже два года не разговариваешь.

– Мы говорили.

– Не по душам. – горько усмехнулась мама.

Миша хотел ответить. Хотел обвинить её, устроить скандал. Но он слишком устал на вечеринке, в ушах все её гудел бас, а ссора забрала последние силы. Все что оставалось Мише это спросить устало:

– Как он умер?

Она сжала челюсть.

– Сердце. Или тромб. Что-то такое.

– Что значит “что-то такое”?

– То и значит.

– Ты не узнала?

Мама опустила взгляд.

– Нет, ты сейчас издеваешься.

Мать вспыхнула:

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне!

– А в каком? В каком надо, чтобы ты наконец сказала правду хотя бы один раз? Без своей картинки идеальности. Как раньше.

Он сам не заметил, как повысил голос. За спиной чувствовалась железная дверь, майка с прокисшим пивом отвратительно липла к коже, в горле горчило, а реальность вдруг расплывалась, как мокрая бумага.

Отец умер. Три месяца назад. И он узнает об этом в прихожей, ночью, после вечеринки, между обвинением в пьянстве и руганью.

Что-то в этом было до смешного абсурдным, что даже почти не удивляло.

– Ты бы всё равно ничего не изменил, – сказала мать уже тише, но жёстче.

– Это ты за меня решила?

– Кто-то должен был решить.

– Конечно. Кто же ещё. Это же ты одна все знаешь. Как всем будет лучше. Вика знает?

Он засмеялся. Коротко, без веселья. И именно в этот момент вдруг почувствовал странное, почти постыдное удовлетворение.

Она всё-таки чувствует. Не камень. Не механизм. Не одна только холодная дисциплина и контроль.

Раз её так рвёт на части от одного запаха, от одной тени повторения – значит, внутри еще что-то живо. Болит. Значит, её тоже можно задеть. Эта мысль была злой, некрасивой, но слишком настоящей, чтобы ее не заметить.

– Ты всегда была гениальна, – выкрикнул Миша. – Даже смерть смогла превратить в инструмент воспитания.

Мать побледнела.

– Вон из моего поля зрения, и больше не смей повышать на меня голос.

– Ты не ответила? Или так тебе удобно? Нападать, вместо честности.

– Хватит.

– Нет, это ты хватит. Хватит делать вид, что всё знаешь лучше всех. Хватит решать, что мне можно чувствовать, а что нет. Хватит прятать всё, что тебе невыгодно.

– Я тебя вырастила! А он меня предал и не заслуживает даже воспоминания.

– Не заслуживает, да? Так его ты, видимо, похоронила так же – без лишних воспоминаний.

Эти слова он сказал уже специально. Чтобы ударить. И попал.

Мать дёрнулась так, будто её действительно ударили. На секунду в ее лице проступило что-то почти беспомощное. Но только на секунду.

– Иди спать.

– Ты не ответила.

– Иди. Спать.

– Вика знает? А хотя я сам у не спрошу. Сегодня поздно, как насчет завтра?

– Она беременна. Не говори пока.

Миша застыл. Даже не от новости, а от тона, каким мать это сказала. Он сжал кулаки и молча ушёл из коридора. Но не для того чтобы лечь спать. Ему нужно было кое что обдумать. И решить несколько важных вопросов.

Он пошёл в комнату, включил свет и начал машинально складывать вещи. В рюкзак полетела зарядка, пара футболок, джинсы, тетради, ноутбук. Руки двигались быстро, как будто тело давно знало этот маршрут. В голове при этом не было чёткого плана – только одно ясное желание: не оставаться здесь до утра, не дышать этим воздухом, не видеть её лица.

Он написал Кириллу.

‘Не спишь? Можно к тебе?’

Ответ пришел почти сразу.

“Что случилось?” И сразу второе сообщение. “Потом. Можно? Не спрашивай. Жду.”

Это “жду” стало в ту ночь самым человеческим словом из всех, что он услышал.

Кирилл открыл дверь в старой футболке, сонный, растрепанный и при этом внутренне собранный – как человек, который мгновенно понимает, что сейчас не время для лишних вопросов у порога.

– Заходи.

Миша вошел, поставил рюкзак у стены. Кирилл посмотрел на него, втянул воздух носом и поднял бровь.

– От тебя пахнет так, будто ты утонул в баре.

– Почти.

– И там же скис. Будешь рассказывать сразу или сначала чай?

– Сначала чай. Иначе я кого-нибудь покалечу.

– Отлично, – Кирилл похлопал друга по плечу, одновременно заталкивая его в дом. – Значит, чай всё ещё работает как профилактика преступлений.

Они сидели на кухне почти до рассвета. В окне начинало сереть, чай давно остыл, а Миша говорил больше, чем, кажется, вообще когда-либо говорил о себе. Не красиво, не построено, не как исповедь из фильма. Скорее рывками, с паузами, с внезапной злостью, с теми подробностями, которые обычно всплывают сами, когда уже поздно себя останавливать.

Про мать. Про её контроль. Про условия. Про дом, где проще промолчать, чем объяснять. Про отца – не столько самого отца, сколько отсутствие, из которого выросла вся их жизнь. Про то, как сегодня он случайно узнал, что тот умер три месяца назад. Про то, что даже не понимает до конца – сердечный удар это был или тромб, потому что мать толком не объяснила. Про идиотский запах пива, из-за которого всё сорвалось.

Кирилл слушал почти не перебивая. И это было, пожалуй, самое ценное. Не утешал. Не изображал психолога. Не вставлял банальные “она, наверное, хотела как лучше”. Только иногда задавал короткие точные вопросы, чтобы Миша не утонул в собственных обрывках.

– То есть у вас дома реально нельзя просто сказать, что с тобой происходит? – спросил он.

– Можно. Если это укладывается в утвержденный список допустимых тем.

– Удобно.

– Чрезвычайно.

– А ты, значит, всегда был образцовым сыном с правом на ограниченное количество воздуха.

– Примерно так.

– Мрачно.

– Я в курсе.

Кирилл помолчал, потом сказал:

– Слушай. На всякий случай. Это не норма.

– Спасибо, я догадывался.

– Нет, серьёзно. Просто иногда, когда с чем-то живешь долго, начинаешь думать, что это просто твой характер, твой дом, твои обстоятельства, и всё. А это не “всё”. Это ненормально.

Миша посмотрел на него и вдруг устало усмехнулся:

– Ты умеешь поддержать так, что хочется либо обнять тебя, либо ударить.

– Я универсален.

Миша остался у Кирилла на одну ночь. Потом ещё на одну. Потом это как-то само собой превратилось почти в месяц. Он заходил домой, когда точно знал, что мамы нет дома. Забирал вещи, которые могли понадобиться и деньги, которые откладывал на машину. Взял не все, только чтобы не сильно напрягать гостеприимный хозяев.

Жить с Кириллом оказалось легче, чем можно было ожидать. Может быть, потому что тот жил один с матерью, но она часто пропадала то на работе, то обустривала свою личную жизнь, или запивала очередную неразделенную любовь с подругами и вообще не имела привычки вторгаться в чужое пространство без приглашения. Может быть, потому что Кирилл, при всей своей язвительности, обладал редким тактом: он не делал вид, будто ничего не произошло, но и не дёргал за больное каждую минуту.

У них быстро сложился свой ритм.

Утренний кофе на кухне, где оба были слишком сонными для серьезных разговоров. Совместные походы в университет. Пары. Общие шутки. Перекуры на улице. Возвращения поздно вечером. Споры о музыке, фильмах, людях. Случайный смех, от которого становилось легче просто потому, что можно было смеяться без оглядки.

Однажды они сидели у Кирилла дома, ели заказанную пиццу прямо из коробок и смотрели какой-то настолько плохой боевик, что он становился гениальным.

– Если я когда-нибудь исчезну, – сказал Кирилл, не отрываясь от экрана, – знай: меня убила режиссура.

– Тебя раньше убьёт снобизм.

– Это будет эстетически чище.

Михаил фыркнул.

– Ты вообще невозможен.

– Зато стабилен.

– Худшее качество в мужчине.

– А ты откуда знаешь? У тебя большой опыт?

Они засмеялись, и именно в такие моменты Миша вдруг замечал, что внутри у него стало чуть меньше напряжения. Не потому что всё наладилось. Ничего не наладилось. Просто рядом был человек, при котором не нужно было всё время следить за интонацией, подбирать слова, думать, как бы не зацепить чью-то старую рану.

В один из вечеров, уже возвращаясь домой после особенно длинного дня, они шли молча, усталые, но довольные. У подъезда Кирилл вдруг протянул руку.

– Ну что, брат по временной прописке.

– Это ты сейчас что делаешь? Здоровались же.

– Символический жест. Без сентиментальности. Я знаю, тебе тяжело.

Михаил покачал головой, но руку пожал.

Кирилл сжал крепко, с преувеличенной серьезностью. Будто им не по двадцать лет, а перескочило за сорок.

– Всё. Теперь мы названные братья. Если что, делим наследство, ругаем друг друга и вместе осуждаем человечество.

– А если я откажусь?

– Уже поздно. Ритуал проведён. Руки пожали.

Это было сказано в шутку, конечно. В очень нужную сейчас шутку.

Месяц пролетел не просто быстро, а почти незаметно. Миша всё реже думал о возвращении. Не потому что хотел разорвать отношения дома окончательно – просто откладывал этот момент, как откладывают разговор, в котором всё давно понятно, неприятно, но говорить об этом не хочется.

Потом пришла Вика.

Она написала сначала сухо: “Надо поговорить”.

Они встретились в кафе возле её работы. Вика выглядела усталой, взрослой по сравнению с ним, с темными кругами под глазами – в ней всегда было что-то от матери, только без той жестокой холодности, а скорее с тихой усталостью человека, который слишком рано стал взрослым.

– Ты долго ещё будешь упрячиться? – спросила она без вступления.

– Интересное начало. Привет.

– Я не для красивых вступлений пришла. – Вика с шумным выдохом села за стул.

– Тогда к сути.

– Вернись домой.

Он усмехнулся.

– Это мама тебя прислала?

– Нет. Я сама пришла.

– Белый флаг?

– Если хочешь, считай так.

Михаил посмотрел на неё внимательнее.

– Она что, волнуется?

Вика чуть помолчала.

– По-своему – да.

– Не смеши.

– Я серьёзно.

– Она бы скорее составила список причин почему я не прав, она хотела как лучше и вообще я неблагодарный сын, чем начала волноваться.

– Миша.

В этом “Миша” послышался укор, А потом он вспомнил о положении, о том, что за целый месяц не удосужился даже позвонить и отвел взгляд, поджав губы, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Я не говорю, что она права, – сказала Вика. – Но ты тоже не воюй с мамой. Она...

– Потому что она всегда права. Так ты хочешь сказать?

– Иногда да. Но ты уже не мальчик, чтобы каждый раз доказывать это своими дурацкими проступками, а теперь ещё и побегом.

Он хотел возразить, но не стал. Потому что где-то глубоко понимал: в её словах есть неприятная доля правды.

К тому же жить у Кирилла бесконечно было невозможно. Кирилл ни разу не намекнул, что Миша засиделся. Наоборот, однажды, когда тот осторожно завел разговор о возвращении, только махнул рукой:

– Да живи сколько хочешь. С тобой веселее. Я один в семье, а так почти как брат, официально подтвержденный рукопожатием.

– Ты это сейчас говоришь только потому, что я мою за собой посуду и убираю хлам ещё и в твоей комнате.

– Не обесценивай нашу связь.

Но Михаил всё равно чувствовал границу. Дружба дружбой, а чужой дом должен оставаться чужим домом, даже если тебя там принимают тепло. Нельзя превращать чужую доброту в бессрочное право на убежище.

Он вернулся.

Без сцены. Без примирения. Без объяснений.

Мать встретила его так, будто он просто вышел погулять и вернулся на пару часов позже чем обещал. Кивнула на рюкзак, спросила, будет ли он ужинать, и тут же перешла к бытовому – у Вики какая-то встреча, завтра нужно забрать документы, на следующей неделе семейный ужин, не забудь позвонить.

Ни слова о той ночи. Ни слова об отце. Ни слова о том, что между ними вообще произошло.

Так начался новый формат их отношений.

Рабочий. Функциональный. Стерильный.

Они разговаривали только о необходимом. Во сколько вернёшься. Что купить. Когда будут зачеты. Нужно ли отвезти бумаги. Как дела в университете.

“Нормально”. “Хорошо”. “Разберусь”. “Не надо”.

Михаил быстро понял, что больше не хочет объяснять. Ни настроение, ни усталость, ни злость, ни свои планы. Объяснение в этом доме всегда было ловушкой: как только ты называл что-то личное, это можно было оценить, поправить, использовать против тебя, вписать в чужую схему. И самое ужасное – раскритиковать и показать как надо, как будет правильно.

Гораздо проще скрывать. Сводить всё к минимуму. Отвечать ровно. Оставлять себе внутреннее пространство, куда никто не получит доступа.

И он научился. Быстро. Почти с облегчением.

Если задержался – “много дел”. Если молчит – “устал”. Если раздражен – “голова болит”. Если не хочет разговаривать – “потом”.

Так и жили.

Через пару недель был день рождения матери.

Она решила отмечать в ресторане – достаточно дорогом, с безупречным светом, негромкой музыкой, услужливым персоналом и тем особым оттенком роскоши, который всегда немного действовал Михаилу на нервы. Всё было слишком выверено, слишком гладко, слишком похоже на правильно оформленную витрину жизни.

Подруги матери были как на подбор: ухоженные, сладко пахнущие дорогими духами, с ровными голосами и привычкой интересоваться чужими делами так, чтобы это звучало как забота, а не как сбор информации.

Михаил, впрочем, держался прекрасно. Он умел быть обаятельным, когда хотел. Шутил в меру, легко поддерживал разговор, вежливо благодарил за комплименты, не переходя ту тонкую границу, за которой начинается либо фальшь, либо грубость.

– Какой у вас сын галантный, – сказала одна из маминих подруг, улыбаясь ему поверх бокала.

– Это временно, – ответил Михаил. – Я стараюсь не портить репутацию в общественных местах.

Женщины засмеялись.

– И ещё скромный.

– Это моё новое достижение, – сказал он и краем глаза заметил, как мать коротко посмотрела на него чуть сощутив глаза. Предупреждает.

И Миша не подвёл. Он был безукоризнен. Настолько, насколько вообще можно быть безукоризненным в чужом празднике, где каждый улыбается чуть шире, чем хочет.

Но чем дольше длился вечер, тем сильнее Миша ощущал внутреннюю усталость от этого приторного светского блеска. От разговоров, от подкрашенной вежливости, от бокалов, от мягкого света, от этой отрепетированной благополучности, в которой ничего нельзя было назвать настоящим именем.

Он ушёл раньше. Сказал, что с утра дела. Мать не возражала.

На улице было прохладно и темно, и воздух сразу показался самым приятным из всего, что осталось там, в кругу богатых дам с безупречной репутацией.

По дороге домой Миша закурил. Потом взял ещё одну. Потом сразу третью.

После второй уже горчило во рту. После третьей в горле запершило так, что пришлось остановиться и кашлянуть, морщась от сухой жёсткости дыма.

Он стоял под фонарём, глядя, как в темноте растворяется сизый выдох, и вдруг подумал, что всё это тоже стало частью его новой жизни – не объяснять, а уводить в сторону. Не говорить, а закрывать. Не проживать, а заглушать.

Сигаретой. Шуткой. Ровным тоном. Чужой квартирой. Правильным ответом. Любой маской, которая позволит не обнажать самого себя.

Он докурил до фильтра, бросил окурочек в урну и пошел дальше, уже немного медленнее.

Впереди тянулся обычный двор, обычный подъезд, обычный дом. Ничего страшного. Ничего особенного.

Только где-то внутри всё яснее закреплялась простая мысль: правда сама по себе в его жизни почти ничего не решает.

Гораздо важнее – не дать чужой памяти, чужому страху, чужой боли снова сделать из него виноватого. А значит, лучше молчать. Лучше скрывать. Лучше пахнуть сигаретами, чем тем, что пришлось бы объяснять.

Часть II. Падение Глава 7.

Красный диплом, серая жизнь

Красный диплом Михаил получил без сюрпризов, почти так же, как люди доходят до заранее отмеченной на карте точки: уставшие, но без удивления. Мать в тот день выглядела довольной и собранной, будто это была не его, а их общая заслуга, грамотно реализованная. Она поздравила его спокойно, сухо, но в уголках губ отражалась редкая тень улыбки. Миша это заметил. И, как всегда в таких случаях, не понял до конца, что чувствует сам. Ему было приятно. И одновременно душно. Потом была магистратура. Потом переподготовка с экономическим уклоном – практичное, «правильное» дополнение к хорошему образованию. Всё складывалось логично, без провалов, без публичных ошибок, без хаоса и ссор. Картинка жизни выглядела цельной и удачной: умный, дисциплинированный, перспективный. Тот самый человек, о котором старшие родственники говорят с особенным удовлетворением, как о подтверждении собственной правоты. Работу ему нашла мать. Точнее, не так. Формально его «рекомендовали», «помогли выйти на нужных людей», «обратили внимание на подходящую вакансию». Взрослый, приличный язык всегда умеет красиво замаскировать контроль. На деле всё было проще: без её связей он, вероятно, всё равно устроился бы куда-нибудь неплохо, но не так быстро и не так удачно. А здесь – крупная фармацевтическая компания, хорошие перспективы, достойная зарплата, место для карьерного роста. Компания производила лекарства для животных, и в этом было даже что-то интересное, человеческое: не худшая отрасль, не бессмысленная бумажная работа, а дело, которое можно было хотя бы отчасти уважать. Первые месяцы Михаилу правда нравились. Нравился ритм. Нравилось ощущение, что он уже не студент, не чья-то надежда, не человек на старте, а полноценный взрослый, у которого есть кабинет, задачи, коллеги, деловая почта, совещания, дедлайны, отчёты и право уставать по-настоящему. Нравилось покупать себе хорошие рубашки не с ощущением роскоши, а как необходимость. Нравилось в обед выходить из офиса и ловить себя на мысли, что теперь день поделен не парами и зачетами, а совсем другими единицами времени. Но под этой маской успеха с самого начала жила маленькая тёмная заноза. Эта работа всё равно пришла к нему через мать. Как ни называй. Как ни оправдывай. Как ни убеждай себя, что дальше всё держится уже только на его собственных силах. Первый раз особенно остро это кольнуло его в тот день, когда она позвонила вечером и буднично, с той самой рабочей интонацией, которой всегда говорила о действительно важном, спросила:

- Ну как, освоился?
- Осваиваюсь.
- Я же говорила, это хорошее место.
- Угу.
- Если сможешь зарекомендовать себя, там можно очень далеко пройти.
- Он молчал дольше, чем нужно.
- Михаил?
- Да, я слышу.
- Что с голосом?
- Ничего.
- Ты опять чем-то недоволен?
- Он усмехнулся, глядя в окно.
- А если да?

На другом конце повисла знакомая пауза. Не растерянность – оценка. Мать всегда сначала внутренне выстраивала позицию, а потом говорила.

– По-моему, странно быть недовольным тем, что тебе помогли.

Миша опустил взгляд на пачку сигарет на столе.

– Я не сказал, что недоволен.

– Тогда не говори так, будто тебя туда затащили силой.

– Я и не говорил.

– Но думаешь именно так.

Он взял пачку, постучал ею о стол.

– Мам, давай не будем.

– Конечно. Как только разговор становится неприятным, ты сразу не хочешь.

Он почувствовал, как внутри поднимается старая тяжесть, и встал.

– Я перезвоню.

– Михаил. Давай обсудим!

Но он уже сбросил. Через минуту стоял на балконе, курил и смотрел вниз на вечерний двор, где медленно разворачивалась чужая, не связанная с ним жизнь. Сигарета в такие моменты не успокаивала по-настоящему. Она просто делала паузу ощутимой. Позволяла не отвечать. Не договаривать. Не возвращаться в разговор, пока буря ещё не остыла. Очень быстро курение перестало быть привычкой в обычном смысле. Оно стало структурой дня. Сначала – до работы, пока город ещё только разгоняется и лицо можно держать пустым. Потом – после тяжёлого звонка. После разговора с начальством. После напряжения. После раздражения. Вместо паузы. Вместо кофе. Вместо ответа. Вместо разговора. Он даже не сразу это заметил. Просто однажды понял, что многие моменты его дня соединены не событиями, а перекурами. Как будто без них одно не могло перейти в другое. Как будто они стали техническими швами, на которых держится взрослая, аккуратно собранная жизнь.

Алина появилась в тот период, когда всё внешне выглядело особенно правильно. Они познакомились на дне рождения общего знакомого. Не в шумной неразберихе и не по какому-то спланированному сценарию, а спокойно. Она сидела на краю дивана в светлом свитере, смеялась не слишком громко, но так, что сразу хотелось посмотреть на неё ещё раз. У неё было живое лицо – не кукольное, не идеальное, а именно живое. Когда она слушала, взгляд у неё становился очень внимательным, тёплым физически. И в ней с первых минут чувствовалась редкая вещь: она не играла.

Миша заговорил с ней сам. Потом они вышли на кухню за чаем. Потом обменялись телефонами. Потом встретились еще раз. С ней было легко не потому, что она ничего не требовала, а потому, что рядом с ней не нужно было сразу строить броню. Алина умела быть рядом мягко. Она не лезла в душу с фонарём, не устраивала проверок, не обвешивала каждую эмоцию словами. Она просто была тёплой, терпеливой, настоящей. И, кажется, правда выбрала в нём то, что видели многие: умного, перспективного, надежного мужчину, который знает, чего хочет. Михаил почти поверил, что так и есть.

В начале у них всё действительно было хорошо. Они ужинали в маленьких местах, о которых Алина знала почему-то больше него. Гуляли по вечерам, когда оба были уже уставшими и потому могли поделиться большим, более личным чем в обычное время. Смотрели дома фильмы, спорили из-за финалов, смеялись над чужой актёрской фальшью. Она легко касалась его руки во время разговора, поправляла воротник рубашки, однажды совершенно буднично оставила у него зубную щётку, и от этого простого жеста квартира вдруг стала казаться не такой холостой и гулкой.

Но именно там, где могла начаться близость, появлялся дым.

Однажды они смотрели фильм у него дома. Был поздний вечер, на кухне ещё пахло пастой, которую они готовили вместе, Алина сидела рядом с ним, поджав ноги под себя, в его футболке, и в какой-то тихий момент просто подвинулась ближе, положила голову ему на плечо, потом обняла его за руку, как это делают не для игры, а для близости. Миша замер на секунду.

Не от того, что стало неприятно. Скорее от странного внутреннего напряжения, как будто тело всё ещё не верило в простоту этой нежности. Потом он мягко высвободил руку.

– Сейчас покурю и вернусь.

Алина медленно выпрямилась. На лице у неё сначала мелькнуло легкое непонимание, потом она улыбнулась.

– Прямо сейчас?

– Да, одну минуту.

– Угу, – Алина откинулась на спинку дивана и посмотрела в экран так внимательно, будто фильм вдруг стал для нее чрезвычайно важен. Но когда Миша уже выходил на балкон, успел заметить, как она сжала губы и сцепила пальцы на колене. Вернулся он через несколько минут, сел рядом, что-то сказал про сюжет. Она ответила невпопад. Всё выглядело нормально. Почти.

В другой раз они ужинали у неё. Алина раскладывала тарелки, рассказывала что-то о своей коллеге, потом будто вспомнив о чем-то, сказала:

– Слушай, нам надо как-нибудь обсудить одну вещь.

– Какую?

– Бытовую. Ничего страшного. Просто... если мы часто остаемся то у тебя, то у меня, наверное, логично понять, как нам удобнее, что где хранить, какие-то мелочи...

Она говорила спокойно, без нажима, даже с тёплой улыбкой. Это был не “серьёзный разговор” из прошлого, а нормальная взрослая попытка сделать жизнь чуть ближе и понятнее. Но Миша уже почувствовал, как внутри поднимается знакомое желание выйти. Не потому что она сказала что-то не то. Наоборот. Именно потому что сказала по-настоящему.

– Давай я быстро покурю, и поговорим, – ответил он.

Улыбка у неё не исчезла, но изменилась. Словно стала держаться на усилии.

– Сейчас?

– Ну да. Я быстро.

Алина отвела взгляд, поставила вилку на край тарелки чуть резче, чем обычно.

– Конечно. Иди.

Он уже знал этот тон. Вежливый. Лёгкий. И с едва заметной обидой внутри. Когда вернулся, она уже убрала со стола.

– Так о чём поговорить хотела? – спросил он.

– Да ни о чём срочном, – ответила она, не глядя на него. – Потом.

– Алин.

– Всё нормально.

Он подошел ближе, обнял со спины. Миша не мог увидеть слабый намек на улыбку, просто почувствовал, но в этой улыбке было уже разочарование – не трагическое, не громкое, а такое, которое человек ещё сам себе не разрешает назвать.

– Просто иногда мне кажется, – тихо сказала она, – что у тебя сигарета всегда в приоритете передо мной.

Михаил хотел ответить шуткой, но не стал.

– Ты преувеличиваешь.

– Может быть.

Сказано это было мягко. Слишком мягко, чтобы спорить дальше.

После секса повторялось почти то же самое. Они лежали в полутьме, разгоряченные, ослабленные, и в этой тишине у Алины всегда будто открывалось окно для настоящей близости. Она любила в такие моменты тихо говорить, лениво о простом и важном: о детстве, о страхах, о планах, о том, что человек не скажет в середине обычного дня.

В одну из таких ночей она повернулась к нему, провела пальцами по его плечу и еле заметно улыбнулась.

– Ты сейчас такой настоящий, когда молчишь.

Михаил посмотрел в потолок.

– Это сомнительный комплимент.

– Нет. Я серьёзно, – Она подвинулась ближе. – Можно тебя спросить?

– Мм?

– Ты когда-нибудь... боишься, что живешь не так, как хочешь, а так, как надо?

Он закрыл глаза. Вопрос был точным. Бил прямо по больному. Слишком близко. Через секунду он уже сел на край кровати.

– Схожу покурю.

Тишина за спиной стала плотной.

– Конечно, – сказала Алина.

Он обернулся. Она лежала на подушке, глядя в сторону окна. Лицо у неё было спокойное, но подбородок чуть напрягся. Одежда она подтянула выше, почти до груди, и пальцы на ткани были сжаты так, будто ей хотелось то ли удержать себя, то ли что-то не сказать.

– Ты обиделась? – спросил он.

Алина повернула к нему голову и улыбнулась одними губами.

– Нет. Просто удивительно, как стабильно ты исчезаешь именно в ту секунду, когда я хочу поговорить о нас с тобой.

Он раздраженно выдохнул.

– Алин, ну не драматизируй.

Тут она уже посмотрела прямо на него. Не зло. С усталой ясностью.

– Я не драматизирую, Миш. Я пока ещё просто замечаю.

Это “пока ещё” повисло между ними надолго.

На работе тем временем жизнь шла своим ходом. Михаил рос внутри компании, учился быстро, держался без суеты, производил хорошее впечатление. Его ценили за собранность, за способность не паниковать, за умение говорить ровно и по делу. Он нравился людям, которым нравятся надежные мужчины с хорошей осанкой и контролируемым лицом. Он знал, как выглядеть благополучным. Научился давно.

По выходным он иногда встречался с друзьями. Реже, чем раньше, потому что взрослая жизнь расплзается расписаниями, чужими делами, семьями, командировками, детьми, усталостью. Но когда всё же удавалось собраться, время неожиданно легко сдвигалось назад, и в голосах на секунду проступала та самая прежняя интонация – студенческая, живая, своя. Однажды они встретились в субботу в гастробаре в центре. Лёша пришёл первым, уже изменившийся в лице, которое бывает у людей, начавших жить не только собой. Больше не было той бесшабашной улыбки, на её место встала ухмылка с ямочкой на щеке, от которой вся прекрасная половина человечества непроизвольно улыбалась в ответ.

Кирилл опоздал, как всегда, но вошёл с таким видом, будто мир должен быть благодарен уже за сам факт его появления. Он устроился в жизни не хуже самого Миши, может даже лучше. И в отличие от его, Кирилл не был против маминой помощи.

– Всё, я официально старею, – объявил Кирилл, снимая куртку и прерывая только начавшийся разговор о Лёшиной жизни. – Меня раздражают громкие дети, тупые взрослые и неудобные стулья.

– Ты и в двадцать был таким, – заметил Миша.

– Нет. В двадцать я был перспективным.

– А сейчас?

– Сейчас я опытный.

Лёша рассмеялся.

– То есть всё такой же невыносимый.

– Это врождённое.

Стас приехал позже всех, с телефоном в руке и раздражением на лбу, как будто тащил за собой половину домашнего хаоса. Сразу плюхнулся на стул, бросил телефон рядом и потянулся к меню.

– Закажите мне что-нибудь крепкое.

– Начинается, – хмыкнул Кирилл.

– У меня двое детей, Кирилл. Двое. Ты не имеешь права комментировать мою потребность в алкоголе.

– Я имею право комментировать всё. Это мой главный талант.

Телефон Стаса снова завибрировал. Он посмотрел на экран, резко выдохнул и сбросил.

– Жена? – спросил Лёша.

– А кто ещё, по-твоему.

– Поднимешь?

– Сейчас не хочу.

– Я чего-то не знаю? – включился в разговор Миша.

– О, мой дорогой друг, у меня для тебя столько всего... – заинтриговал Лёша и тут же начал сыпать новостями как из рога изобилия.

Друзья смеялись, перебивали друг друга и делились новостями. В основном говорил Стас. Не говорил даже, жаловался. И да, он всё-таки выпил быстрее обычного. Говорил резко, иногда с ненужной раздражённостью, будто всё время мысленно находился не здесь, а в другом пространстве, где его уже ждут требования, крик, усталость, подгузники, счета, бессонные ночи и бесконечные мелкие обязанности. Миша смотрел на него и думал о том, как по-разному взрослая жизнь ложится на людей. На ком-то она сидит, как хорошо сшитый пиджак. На ком-то – как мокрое одеяло.

– А ты что? – спросил Миша у Кирилла. – Всё ещё в поисках себя?

Кирилл сделал оскорбленное лицо.

– Во-первых, я не в поисках. Я в свободном интеллектуальном драйве.

– Да-да.

– Во-вторых, у меня всё прекрасно. Как только на работе появляется шанс на командировку, я туда лезу первым. Казань, Екатеринбург, Тбилиси, Ереван, Варшава... Лишь бы не сидеть на месте и не умереть от офисной тоски.

– То есть ты профессионально сбегаешь, – усмехнулся Михаил.

– Называй это мобильностью. Женщины любят это слово.

– Женщины вообще тебя любят? – невинно поинтересовался Лёша. – Тебя же не выловить?

– Периодически. Но потом узнают меня лучше и пугаются широты.

– Не широты, а невыносимого характера, – поправил Стас, уже наливая себе ещё.

– Завидуй молча, отец года.

Лёша в этот вечер тоже казался другим. Задумчивый и на губах то и дело появлялась тупая мечтательная улыбка.

В какой-то момент, когда принесли горячее, он сделал глубокий вдох, и без предисловий выдал:

– Я, кстати, женюсь.

На секунду все замолчали. Потом Кирилл театрально приложил ладонь к сердцу.

– Нет. Нет. Нет. Сначала Стас размножился, теперь ты. Кто следующий? Миша? Мир кончится если вы будете так неконтролируемо размножаться, я не готов.

Миша усмехнулся.

– Успокойся. Ты ещё успеешь спасти остатки цивилизации.

Лёша сидел с лёгкой, счастливой улыбкой, которая так ему шла, что Михаил даже почувствовал что-то вроде тёплой зависти.

– И кто она? – спросил он.

– Да ты её почти видел, – ответил Лёша. – Катя. Мы давно вместе.

– А плел мне сказки, будто это временно, – хмыкнул Кирилл.

– Я сам сначала думал, что временно.

– И?

Лёша улыбнулся, глядя куда-то в стол.

– И оказалось, что я её люблю не только в хорошие дни.

Михаил почему-то запомнил именно эту фразу. Не только в хорошие дни. Она была простой. И объясняла суть, по которой люди вообще сходятся.

Чуть раньше, за несколько месяцев до этой встречи, Миша случайно столкнулся с Лёшей. Кирилл был где-то в очередной командировке, Стас занят семьей, и та встреча вышла случайно: они пересеклись у книжного магазина, оба сперва удивились, потом обрадовались, и Лёша сразу махнул рукой кому-то за своей спиной.

– Иди сюда. Познакомлю. Рядом подошла девушка с мягким лицом и такими яркими голубыми глазами, что в них можно было утонуть.

– Это Катя.

– Михаил, – представился он.

– Я о вас слышала, – сказала она с улыбкой.

– Надеюсь, не всё.

– Судя по Лёше, только приемлемую версию.

Лёша фыркнул.

– Не верь ей, она с первого дня против меня работает.

Они постояли вместе минут пятнадцать, может двадцать. Ничего особенного: кофе навынос, холодный ветер, разговор ни о чём. Но Миша сейчас вспомнил, как Лёша смотрел на Катю, когда она говорила. Без мужского самодовольства. С такой естественной включенностью, будто её присутствие в его жизни уже давно стало частью дыхания. Это было красиво. И немного больно. Потому что у него с Алиной всё было по другому. Она по-прежнему ждала от Миши решительный поступков. По-прежнему старалась не давить. По-прежнему оставалась живой и терпеливой рядом с ним. Но в её терпении всё чаще появлялась усталость, которую нельзя было игнорировать, если быть честным.

– Ты что там уснул? Не слышу поздравлений! – Лёша прижал задумавшегося Мишу за плечи, вырывая того из омута мыслей.

– Да что ты! Поздравляю, брат. Главное не позволяй ей садиться на шею.

– Ей я позволю все что угодно поверь, – с идиотской улыбкой ответил Лёша наконец отпуская Мишу из захвата.

– Если она будет запрещать тебе видеться с друзьями, то моя квартира большая, убежишь от нее ко мне. – вставил свое предложение Кирилл.

Они все засмеялись и даже не заметили что Стас уже давно ушел домой. Даже не попрощавшись.

Придя домой Миша сразу видел Алину. Она сидела у окна с кружкой чая, уже в домашней одежде, босая, задумчивая. Миша сразу вспомнил фразу Лёши о своей невесте. Будет ли нам так же комфортно решать проблемы вместе?

Миша вышел из душа, вытирая волосы полотенцем, и машинально потянулся за сигаретами. Алина подняла на него взгляд.

– Ты сейчас опять?

Он остановился.

– Что значит “опять”?

– То и значит.

Голос у неё был спокойный, но в лице уже проступила усталость. Не злость – хуже. Та точка, где человек еще не ругается, но уже больше не хочет делать вид, что всё пустяки.

– Мы весь вечер почти не виделись, – сказала она. – Ты пришел поздно, поел молча, ответил на два сообщения, сходил в душ, и вот теперь тебе снова надо выйти.

– Я на две минуты.

– Дело не во времени, Миш.

Он сунул пачку обратно на тумбу, но не подошёл к ней.

– А в чём?

Она усмехнулась. Грустно, без радости.

– Ты правда не понимаешь?

Он молчал. Алина поставила кружку на подоконник, сцепила руки перед собой. Пальцы у неё были напряжены.

– Иногда мне кажется, что ты всё время где-то далеко. У тебя бывает такой взгляд, пустой и даже когда мы вместе ты о чем-то не переставая думаешь. И как только я хочу обсудить нас ты откладываешь этот разговор. Идешь курить, выходишь. Как будто без этого ты не можешь просто побыть рядом.

– Это всего лишь сигареты. Тут она резко подняла на него глаза.

– Нет. Не “всего лишь”, – в её голосе впервые за долгое время прозвучало настоящее раздражение. – Не надо вот этого. Не надо делать вид, что я цепляюсь к ерунде. Я не про табак сейчас. Я про то, что каждый раз, когда я стараюсь стать для тебя хоть немного ближе, ты исчезаешь. Физически или внутри – неважно. Но тебя нет.

Миша почувствовал знакомое внутреннее сопротивление, почти злость.

– Ты слишком все усложняешь.

– А ты слишком всё упрощаешь, – ответила она почти шёпотом.

И именно это было хуже любого крика. Несколько секунд они молчали. Потом Миша всё-таки взял сигареты. Алина закрыла глаза и медленно откинулась на спинку кресла, будто у неё внутри что-то устало и опустилось.

– Вот видишь, – сказала она тихо.

Он замер, уже стоя у двери на балкон.

– Что?

Она открыла глаза. В них не было истерики. Только разочарование, которое уже оформилось.

– Я ещё даже не закончила, а ты уже ушёл.

Он не нашел, чем ответить. И вышел. На балконе было холодно. Дым царапал горло, но теперь не приносил привычного облегчения. Только давал отсрочку. Ещё пару минут без ответа. Ещё пару минут без выбора. Ещё пару минут в жизни, где всё внешне стабильно и правильно, а внутри что-то медленно, почти бесшумно уходит из рук. Он смотрел вниз на огни машин, на мокрый асфальт, на чужие окна и вдруг ясно почувствовал, насколько аккуратно снаружи устроена его жизнь. Хорошая работа. Красный диплом. Магистратура. Перспективы. Правильная девушка. Нормальный круг общения. Стабильность. И какая-то серая пустота между всем этим. Не трагедия. Не падение. Хуже. Тихая, дисциплинированная жизнь, в которой уже почти всё есть, кроме умения быть в ней по-настоящему.

Когда он вернулся в комнату, Алина сидела в той же позе, только руки уже лежали на коленях сжимая край домашнего платья. Она посмотрела на него, и Миша вдруг понял, что именно такие взгляды потом вспоминают

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.